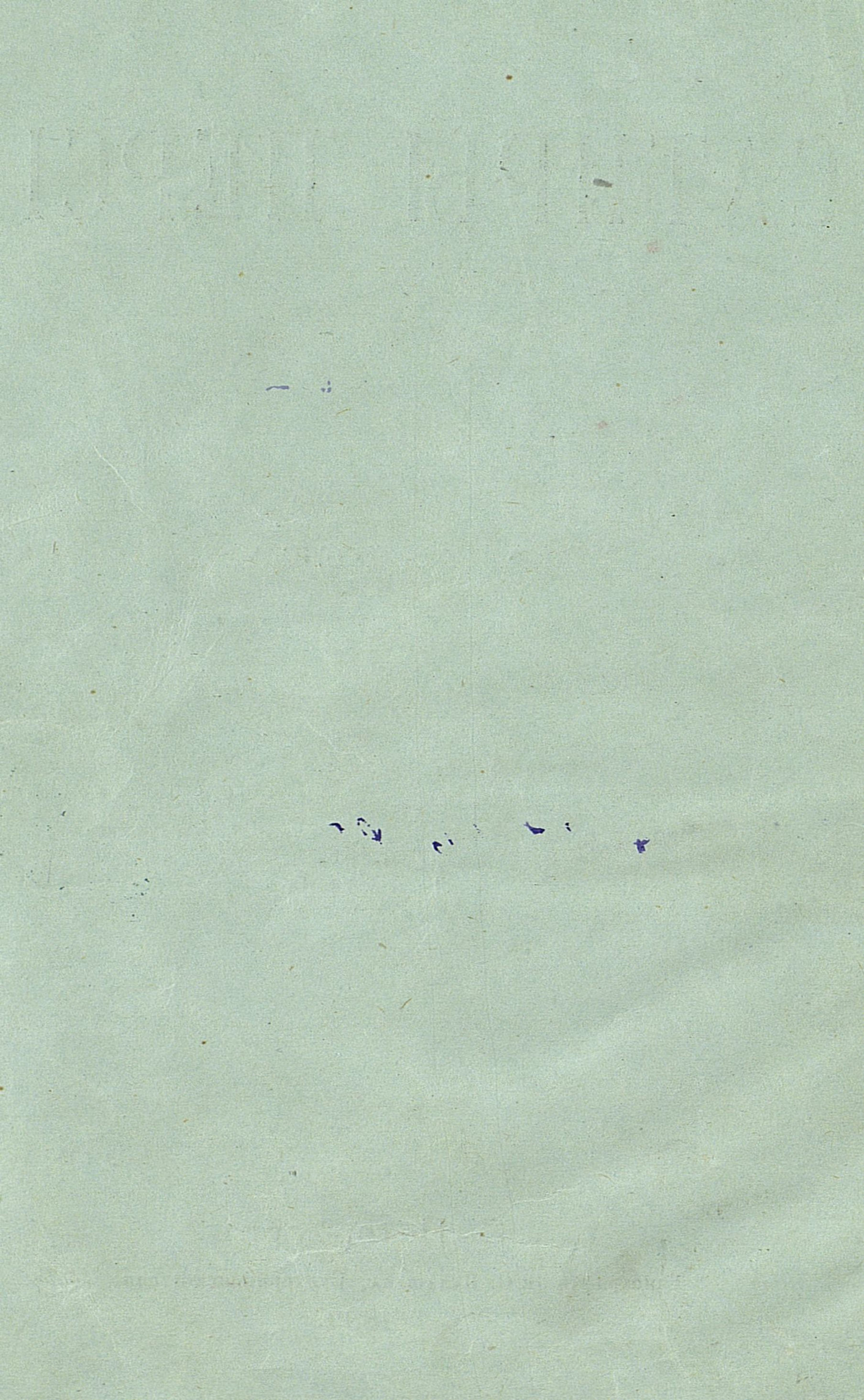
Фет.
Сатиры Персия.

САТИРЫ ПЕРСІЯ.

А. А. ФЕТА.

С.-Петербургъ.
Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій кан., № 78.
1889.

САТИРЫ ПЕРСІЯ.

А. А. ФЕТА.

С.-Петербургъ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій кан., № 78.

1889.

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, мартъ 1889 г.

САТИРЫ ПЕРСІЯ.

Читателю.

Для людей, требующихъ отъ поэта прямолинейности и непрерывно логической послѣдовательности, чтеніе Персія или представляетъ наилучшую школу, пріучающую по полунамеку слѣдовать за неожиданными капризами поэта, или же становится совершенно невозможнымъ, и имъ придется воскликнуть со старымъ филологомъ: „si non vis intelligi, non debes legi“— „если ты не хочешь, чтобъ тебя понимали, то не слѣдуетъ тебя и читать“.

Прилагая самое необходимое для пониманія текста Персія, не можемъ не указать желающимъ болѣе широкаго съ нимъ знакомства на почтенный и серьезный трудъ Н. М. Благовѣщенскаго: Сатиры Персія. С.-Пб. 1873.

Прологъ.

Въ ключѣ я конскомъ губъ своихъ не омывалъ
И на двухглавомъ тожь Парнасѣ сновъ такихъ
Не помню, чтобы такъ поэтомъ выйдти вдругъ,

Содержаніе: Я не пилъ вдохновительныхъ струй Иппокрены и (ст. 5) предоставляю названіе поэта тѣмъ, которыхъ бюсты увиты поэтическимъ плющемъ; а самъ (ст. 6), *получужой* дѣлу поэзіи въ качествѣ сатирика, дидактика, являюсь со своею пѣснью. Слѣдующаго (ст. 8) нѣтъ причинъ относить къ самому поэту; онъ хочетъ только сказать: мало ли бываетъ побужденій къ не призванному стихотворству, начиная съ самыхъ низменныхъ, напримѣръ, требованій желудка.

Ст. 1. Преднамѣренно комическое опредѣленіе Иппокрены съ прямымъ намекомъ на Эннія, который, подобно Гезіоду, хвалился тѣмъ, что пилъ изъ ключа,

И Геликонянокъ съ Пиреной блѣдною
Предоставляю тѣмъ, которыхъ лики плющъ
Ласкаясь обогнулъ; а самъ получужой
Въ святилище пѣвцовъ я пѣснь свою вношу.
Кто попугая вызвалъ χαῖρε говоритъ?
Кто нашу рѣчь пытать сороку научилъ?
Искусства мастеръ, возбудитель силъ ума,
Желудокъ дошлый чуждыхъ звуковъ намъ искать.
Коварныхъ денегъ лишь надежда проблеснетъ,—
Поэтовъ-вороновъ и поэтессъ-сорокъ
За нектаръ Пегазейскій пѣнье ты сочтешь.

Сатира первая.

О вы заботы людей! О сколько въ дѣлахъ ихъ пустаго!
„Кто жь это станетъ читать?“ „Меня-то? Никто“. „Ни единый?“

вышибленнаго копытомъ Пегаса, и затѣмъ, заснувъ на горѣ Музъ—Парнасѣ, видѣлъ во снѣ Гомера, посвятившаго его воспѣть величіе римскаго народа. Подобное же мѣсто у Проперція, кн. III, элег. 3, ст. 1—2:

Мнѣ привидѣлось, что лежу я въ тѣни Геликона.
Тамъ гдѣ добыта вода Беллерофонта конемъ...

4. *Геликонянки*—музы. *Пирена*—ключъ въ Коринѳской крѣпости въ Пелопоннесѣ, истекшій по преданію, изъ слезъ, пролитыхъ Пиреною, дочерью Ахелоя, надъ сыномъ ея Кенхріемъ, нечаянно убитымъ Діаною на охотѣ. Такъ какъ на этомъ мѣстѣ Беллерофонтъ укротилъ Пегаса, то самый источникъ былъ посвященъ музамъ. Пирена названа *блѣдною* въ смыслѣ водянаго отблеска, и излишне съ нѣкоторыми толкователями понимать этотъ эпитетъ въ отдаленномъ значеніи: заставляющая блѣднѣть поэтовъ надъ усидчивымъ трудомъ.

5. *Плющъ* (см. Горація, Оды I, 1, 29) былъ посвященъ Вакху и Аполлону и потому считался украшеніемъ пѣвцовъ. Въ императорское время лики современныхъ модныхъ поэтовъ стояли въ общественныхъ и частныхъ библіотекахъ увѣнчанные плющемъ, что въ особенности льстило мелкимъ литературнымъ дарованіямъ.

8. Попугаи и сороки скорѣе всего научаются твердить обычное привѣтствіе: „здравствуй“ (χαῖρε),—„хотя звуки этого привѣтствія для нихъ на столько же чужіе, на сколько стихи, порожденные въ устахъ писателя не призваніемъ, а подражаніемъ.

Содержаніе: Въ подражаніе сатирамъ Горація, поэтъ выводитъ воображаемаго оппонента, съ которымъ завязываетъ разговоръ о современномъ положеніи стихотворства, когда (ст. 2) никто не станетъ читать чего-либо серьезнаго, а всѣ хлопочутъ (ст. 5) изъ-за первенства въ общественномъ мнѣніи, хотя (ст. 7)

„Двое лишь или никто. Позорно и жаль“. „Почему же?
Какъ бы Полидамантъ и Троянки мнѣ Лабеона
Не предпочли? Пустяки!—Коль смутный что̀ Римъ превозноситъ,
Ты за тѣмъ не ходи, не справляй невѣрную стрѣлку

знаютъ его неосновательность, такъ какъ сама гражданская жизнь (ст. 10), при серьезномъ взглядѣ на нее (ст. 12) возбуждаетъ только хохотъ своею уродливостью (ст. 13). Каждый претендуетъ на созданіе чего-либо геніальнаго, чтобы (ст. 15), одѣвшись щеголемъ, прочесть свое произведеніе публично; и дѣйствительно, избалованное общество, неспособное идти глубже внѣшняго лоска стиховъ, по видимому, трогается ихъ гармоніей (ст. 22). Такимъ образомъ самъ дряблый стихотворецъ надѣется овладѣть вниманіемъ слушателей (ст. 24). На это оппонентъ возражаетъ, что и учимся мы для того, чтобы похвастать передъ другими. Поэтъ (ст. 30) отвѣчаетъ изображеніемъ модно сюсюкающаго пресыщенія современныхъ богачей (ст. 40). Оппонентъ замѣчаетъ поэту, что онъ и самъ не прочь отъ желанія написать безсмертное произведеніе. Соглашаясь съ этимъ (ст. 45), поэтъ указываетъ на безсодержательность современной похвалы, такъ какъ она исходитъ отъ изнѣженныхъ патриціевъ, занятыхъ (ст. 53) роскошью стола и низкопоклонствомъ своихъ бѣдныхъ кліентовъ, хотя и кричатъ, что любятъ слышать правду. Такія избалованные люди въ самомнѣніи своемъ (ст. 62) проживаютъ вѣкъ слѣпыми и не замѣчаютъ, что даже уличные мальчишки за ихъ спиной передразниваютъ ихъ. Что касается до общаго народнаго приговора, то послѣдній ограничивается одною оцѣнкой внѣшней отдѣлки. Одностороннее увлеченіе риторическими тонкостями доходитъ до того, что даже на судѣ защита сѣдаго старика (ст. 83) сама по себѣ становится дѣломъ второстепеннымъ въ сравненіи съ своею формою, и (ст. 85) вору за ученыя антитезы защиты публика кричитъ: „славно!“ (ст. 87). Нельзя трогать сердца неискреннимъ пѣснопѣніемъ. Вслѣдъ за примѣрами (ст. 93 и 99) безсодержательно напыщенныхъ стиховъ, оппонентъ (ст. 108) замѣчаетъ поэту, какъ бы своею правдой онъ не преградилъ себѣ доступа къ знатнымъ. На это поэтъ говоритъ, что согласенъ (ст. 111) считать всѣхъ совершенными и дивомъ созданія, и пускай только (ст. 112) укажутъ на то, чего не слѣдуетъ касаться, то онъ готовъ этого не трогать. Если прежніе (ст. 115) сатирики невозбранно выводили недостатки даже друзей, то почему же ему не посмѣяться надъ недостатками современниковъ? Этотъ смѣхъ свой (ст. 122) поэтъ цѣнитъ выше всего. Пусть (ст. 126) дѣйствительно устыдится своихъ недостатковъ читатель, но не такой, который считаетъ себя компетентнымъ судьею только потому, что былъ когда то въ провинціи мелкимъ полицейскимъ чиновникомъ. Для подобныхъ читателей (ст. 134) есть своя литература.

1. Поэтъ декламируетъ предполагаемому собесѣднику стихъ, заимствованный изъ сатиръ Луцилія: „О, вы, заботы“ и т. д., на что̀ тотъ спрашиваетъ: кто же станетъ читать подобныя жалобы?

4. Въ чувствѣ собственнаго достоинства поэтъ считаетъ пустяками общественное мнѣніе, выражаемое какимъ-нибудь Полидамантомъ или болтливыми женщинами, пересуда которыхъ страшился когда-то самъ Гекторъ (Ил., XXII,

Этихъ вѣсовъ и себя помимо себя не ищи ты.
Ибо кто жь въ Римѣ? увы, еслибъ можно сказать! но вѣдь можно;
Тутъ, какъ на сѣдины, на жизнь печальную нашу
Глянешь, что̀ дѣлаемъ мы такое, покинувъ орѣхи,
Скорчивъ дядюшекъ; тутъ простите, ужь тутъ—не желаю.
Что же мнѣ дѣлать? зоветъ своевольная печень на хохотъ.
Пишемъ мы, этотъ—тѣснясь въ размѣрахъ, тотъ—вольною прозой
Нѣчто великое, чѣмъ задыхается легкое, ширясь;
Вѣдь же ты это прочтешь, причесавшись, народу и въ новой
Тогѣ, своимъ наконецъ именинным блестя сардониксомъ,
На возвышеньи сидя и подвижное горло промывши
Жидкимъ бальзамомъ, томясь похотливо взирающимъ окомъ.
Тутъ и по нравамъ плохихъ и съ голосомъ хриплымъ увидишь
Тита могучихъ дѣтей дрожащими, только что въ чресла
Пѣсня пройдетъ, и нутро стихи задрожавшіе тронутъ.
Ты ль, старикашка, тутъ снѣдь для чужихъ ушей собираешь?
Для ушей, коимъ, самъ весь пропащій, воскликнешь ты: полно!"
„Что и учиться, когда закваска иль скрыто врожденный

99—107). Напрасно схоліастъ считаетъ Лабеона, которому подставляетъ имя Акція или Аттія, тѣмъ плохимъ переводчикомъ Иліады, о которомъ говорится ниже (ст. 50), такъ какъ о такомъ переводчикѣ Иліады нигдѣ ни упоминается, и Персій тщательно избѣгаетъ всякихъ указаній на личности. Поэтому вѣроятнѣе предположить, что имя Лабеона заимствовано у Горація (Сат., I, 3, 82), гдѣ подъ нимъ выставленъ пустой человѣкъ. На такомъ же основаніи нельзя подъ тупымъ критикомъ Полидамантомъ подразумѣвать Нерона.

7. Вѣсовъ общественнаго мнѣнія.

8. *Ибо кто жь въ Римѣ?* На этихъ словахъ поэтъ обрываетъ свою мысль, которую окончательно высказываетъ ниже въ стихѣ 121.

11. Дяди у древнихъ считались представителями строгости (Горація Оды, III, 11, 3. Сат., II, 2, 97; 3, 88).

15. Для публичнаго чтенія стихотворецъ не забываетъ никакихъ внушительныхъ подробностей, начиная съ прически и новой тоги.

16. *Сардониксъ*—камень, родственный ониксу и сердолику, украшенный рѣзьбою, высоко цѣнился въ перстняхъ; стихотворецъ, красовавшійся въ немъ только въ день своихъ имянинъ, не забываетъ его при публичномъ чтеніи.

20. *Тита могучихъ дѣтей.* Этимъ именемъ поэтъ обзываетъ Римлянъ по сабинскому царю Титу Тацію, который нѣкогда царствовалъ совмѣстно съ Ромуломъ.

24. Противникъ, говоря, что не стоитъ учиться только для себя, уподобляетъ стремленіе къ публичности, съ одной стороны, закваскѣ, постоянно овладѣвающей жидкостью, а съ другой — дикой смоковницѣ, которая, засѣвъ въ трещинѣ стѣны или подъ каменною плитою, со временемъ вырывается наружу, разрушая самую стѣну или камень.

Дикой смоковницы стволъ не выскочитъ, печень прорвавши?“
Блѣдность и старость-то вотъ! О, нравы! Ужели и въ правду
Знанье твое ни во что̀, коль другой, что̀ ты знаешь, не знаетъ?—
„Но хорошо, какъ перстомъ насъ укажутъ и вымолвятъ: вотъ онъ!
Или же быть образцомъ для сотни кудрявыхъ считаешь
Ты ни во что?“ Посмотри за бокалами сытные внуки
Ромула ищутъ узнать, что въ божественныхъ сказано пѣсняхъ.
Тутъ въ накидкѣ иной на плечахъ подъ цвѣтъ гіацинта
Что-то прокислое въ носъ говоритъ, про Филлиду картавя,
Про Гипсифилу, про все, что̀ грустнаго есть у поэтовъ,
Цѣдитъ, уродуя самъ слова изнѣженнымъ нёбомъ.
Мужи воздали хвалу—иль пепелъ поэта несчастливъ
Нынѣ? Не легче ль теперь гнететъ его кости и камень?
Хвалятъ всѣ за столомъ, ужели изъ манъ его нынѣ,
Изъ могилы его и блаженнаго праха фіалки
Не родятся? „Вотъ ты, говоритъ, смѣешься и слишкомъ
Носъ задирать свой готовъ; а кто жь отказаться захочетъ
Говоръ толпы заслужитъ и, изрекши достойное кедра,
Пѣсни оставить, чтобъ ихъ ни макрель не страшила, ни ладонъ?“

29, *Для сотни кудрявыхъ*—стать образцомъ для школьниковъ.

32. Отступая отъ обычной бѣлой тоги изъ некрашеной шерсти, модники временъ имперіи въ торжественныхъ случаяхъ носили пурпуровыя накидки даже съ голубоватымъ оттѣнкомъ подъ цвѣтъ гіацинта. Такой модникъ старается воспроизводить грустныя греческія преданія, напримѣръ, про *Филлиду*, дочь Өракійскаго царя Ситона или Ликурга, которая влюбилась въ Демофоонта, сына Тезея, когда тотъ при возвращеніи изъ Трои былъ занесенъ въ ихъ городъ. Демофоонтъ обѣщалъ взять ее съ собою въ назначенный день, но по обстоятельствамъ не могъ сдержать слово. Считая его измѣнникомъ, Филлида повѣсилась, но боги превратили ее въ миндальное дерево, которое, когда возвратившійся Демофоонтъ его обнялъ, пустило листья.

34. *Гипсифила*, дочь Тоаса, царица Лемносская, влюбилась въ Язона, когда онъ съ Аргонавтами присталъ къ берегу острова, и родила ему двухъ сыновей. При отъѣздѣ измѣнника она сокрушалась и послѣ многихъ трагическихъ приключеній продана была морскими разбойниками Өиванскому царю Лику, который приставилъ ее нянькою къ сыну своему Офелту.

41. Кедровые ящики и масло предохраняли книжные свертки отъ разрушительной моли.

43. Рыба *макрель* и *ладонъ* здѣсь вообще вмѣсто мелочнаго товара, который обыкновенно завертываютъ въ негодныя рукописи. Такъ Горацій (Посланія, II, 1, 269—270) говоритъ:

Не попасть мнѣ на улицу, гдѣ духи продаются,
Ладонъ, перецъ и все, что дрянной облекаютъ бумагой.

Кто бы ты ни былъ, кого я поставилъ противникомъ въ спорѣ,
Я вѣдь, когда напишу, и если что̀ дѣльное выйдетъ—
Птица хоть рѣдкая-то,—но если что̀ дѣльное выйдетъ,
Не испугаюсь похвалъ, у меня не изъ рога же фибры;
Но за конечную цѣль не приму я дѣла прямаго
„Славно“ и „чудно“ твое. Повытряси все это „чудно“:
Что̀ въ серединѣ въ немъ есть? Не Аттія ль тутъ Иліонка,
Что̀ отъ чемерки пьяна? Не элегіи ль тощія сытыхъ
Произведенье вельможъ? Не то ль, что на ложѣ изъ цитра
Пишется часто? Подать горячее вымя ты ловокъ,
Ловокъ истертый хитонъ подарить дрожащему другу,
И „я правду люблю“, кричишь,—„говорите мнѣ правду“
Точно ли? хочешь—скажу? ребячишься только ты, лысый,
Какъ животъ у тебя въ полтора подымается фута.
О, ты, Янусъ, за кѣмъ не защелкаетъ аистъ съ затылка,
И бѣлесыхъ ушей не представитъ рука подвижная,
Нѣтъ и такихъ языковъ, какъ въ зной у апульской собаки!
Вы жь, о, патриціевъ кровь, которымъ прилично съ затылка
Такъ слѣпыми и жить, страшитесь кривлянія сзади!
Что̀ же народъ говоритъ? Что̀ жь, кромѣ того, что вотъ пѣсни
Плавно и мѣрно теперь потекли, что лоскъ ихъ сліянья
Строгимъ не сдается ногтямъ? Умѣетъ-де вытянуть стихъ онъ,

---

46. *Рѣдкая птица*—поговорка. См. Ювенала VI, 165. VII, 202.

51. *Чемерка* считалась средствомъ противъ сумасшествія.

52. Послѣ обильной трапезы, вельможа, возлегши на ложе изъ выписнаго цитроваго дерева (см. Проперція III, 7, 49—50:

А на кровати изъ цитра или терпентина, что выросъ
Въ Орикѣ, онъ бы чело пухомъ цвѣтнымъ подпиралъ),

— диктуетъ своему рабу стихотвореніе.

53. Твое дѣло задобрить поклонниковъ вкуснымъ блюдомъ да старымъ платьемъ.

55. Хоть ты и кричишь, что любишь правду.

56. Лысина и большой животъ здѣсь вывѣска тупоумія.

57. Обращенія къ Янусу, владѣющему передъ подобнымъ знатнымъ преимуществомъ быть съ двумя лицами, такъ что не возможно спереди имъ восхищаться, а съ затылка строить кривлянія, какъ это дѣлаютъ мальчишки, подражая щелканью аиста, или изображая руками ослиныя уши, или (ст. 60) высовывая языкъ на столько, на сколько не высунетъ его въ зной и апульская собака.

65. Сравненіе, заимствованное отъ пріема ваятеля, который проводитъ ногтемъ по готовому мрамору, чтобы удостовѣриться въ оконченной гладкости изваянія, здѣсь переносится на стихи.

Словно бы, глазъ онъ одинъ прищуря, велъ красную мѣтку;
Нужно ль о нравахъ сказать, о роскоши, царскихъ трапезахъ,
Великолѣпныхъ вещей поэту дастъ нашему муза.
Вотъ мы видимъ, что вдругъ за геройскія чувства берутся
Тѣ, что̀ привычны болтать по гречески, но не умѣютъ
Рощи представить, воспѣть благодатныхъ полей, гдѣ кошницы
И очагъ со свиньей, и Палиліи въ дымѣ отъ сѣна,
Ремъ отколь и въ браздѣ сошники отирающій Квинктій,
Передъ волами кого къ дидактурѣ одѣла супруга,
Ликторъ же въ домъ твой плугъ возвратилъ;—превосходно, поэтъ мой!
Есть ли такой, чтобъ его Бризеидой жилистой Аттій,
Есть ли, чтобъ тронулъ его Пакувій и вся въ бородавкахъ
Антіопа, „плачевное сердце простерто на скорби"?
Этихъ подслѣпыхъ отцовъ, вливающихъ дѣтямъ уроки,
Видѣвши,—спросишь ли ты—откуда пустое болтанье
На языки забралось, откуда та гадость, при коей
Гладенькій щеголь тебѣ на скамейкѣ восторженно скачетъ?

---

72. Ежегодно двадцать-перваго апрѣля, въ день основанія Рима, справлялись Палиліи въ честь сельской богини Палесы. Зажигались кучи сѣна, и земледѣльцы въ символъ очищенія отъ заразъ прыгали черезъ огонь.

73. *Квинктій*—Цинциннатъ, исходящій со всею первобытною мощью римскаго духа изъ простой земледѣльческой среды, которую современный модный поэтъ и описать не умѣетъ.

76. *Бризеида*—вѣроятно, заглавіе одной изъ не уцѣлѣвшихъ трагедій римскаго поэта Акція. Ничтожный поэтъ не умѣетъ даже оцѣнить мощной, хотя и устарѣлой (жилистой) книги Акція.

77. Трагедія Пакувія—*Антіопа*, по мнѣнію Тейфеля, представлена *въ бородавкахъ* для обозначенія слабыхъ и неизящныхъ мѣстъ.

78. „*Плачевное сердце простерто на скорби*"—относится къ горестной судьбѣ Антіопы, дочери Ѳиванскаго царя Никтея, въ которую влюбился самъ Юпитеръ. Чтобы скрыть отъ грознаго отца послѣдствія своихъ отношеній къ богу, она бѣжала къ царю Сикіонскому Эпопею. Никтей, считая послѣдняго соблазнителемъ дочери, пошелъ на него войною, и сраженный завѣщалъ передъ смертью брату своему Лику отмстить за осрамленіе рода. Поэтому Сикіонъ былъ взятъ, и Антіопа уведена въ рабство. Дорогой въ хижинѣ у горы Цитерона между Беотіей и Аттикой у ключа Азопа она родила двухъ близнецовъ: Цэта и Амфіона (будущихъ строителей Ѳиванской крѣпости), которыхъ принялъ и воспиталъ пастухъ. Тѣмъ временемъ Ликъ влюбился въ Антіопу, вслѣдствіе чего ревнивая его супруга Дирка жестоко мучила несчастную, принудивъ ее наконецъ бѣжать на Цитеронъ. Сначала дѣти не признали своей матери, но убѣжденныя доводами пастуха они дали быку растрепать жестокую Дирку. Цэтъ привелъ казнь въ исполненіе, а Амфіонъ, сидя на скалѣ, воспѣлъ побѣдную пѣснь.

Или не стыдно, что гнать отъ сѣдой головы ты не въ силахъ
Бѣдъ, пока не пришлось тепловатаго слышать: прекрасно?
Педій, ты воръ, кричитъ; что жь Педій? Вину въ антитезахъ
Чистыхъ онъ взвѣшивать сталъ, его за ученые тропы
Хвалятъ: вотъ славно! Уже ль это славно? Виляешь, мой Ромулъ?
Тронетъ ли пѣснью меня претерпѣвшій крушенье, чтобъ далъ я
Ассъ? Ты поешь, а себя написаннымъ съ баркой разбитой
Носишь ты на плечахъ? Конечно, не вымыслы ночи
Тотъ оплачетъ, кому преклонить меня хочется просьбой·
„Но въ размѣрахъ краса, на сырьѣ появилась отдѣлка.
Такъ научился онъ стихъ заключать: „съ Берецинтія Аттисъ“;
И „дельфинъ, что тогда разсѣкалъ голубаго Нерея“;
Или: „у длиннаго мы ребро извлекли Аппеннина“.
„Битвы и мужа“, уже ль то не пѣна и вздутая корка,
Будто бы старая вѣтвь, увядшая въ пробкѣ наросшей?“
Нѣжное что̀ же прочесть и шею склоняя возможно?
„Мималлонскимъ рога кривые наполнили гуломъ,

---

87. *Мой Ромулъ*—мой римлянинъ.

89—90. Претерпѣвшіе крушеніе изображали оное и вѣшали эти картины въ храмахъ богамъ-избавителямъ или же, надѣвая ихъ на себя, просили милостыню (см. ниже, сатира VI, 32; Горація Оды, I, 5, 13—16; Ювенала, XII, 27, XIV, 302). Персій хочетъ сказать, что такой нищій не могъ бы разжалобить его изысканною пѣснью, свидѣтельствующею объ искусственности.

93. Предоставляя записнымъ филологамъ разборъ этого темнаго и спорнаго мѣста, придержимся простаго толкованія Биндера, при которомъ получается совершенно удовлетворительный смыслъ. Защищая передъ поэтомъ новѣйшую пышность внѣшней отдѣлки стиховъ, воображаемый противникъ приводитъ всѣмъ памятные своею безсодержательною пышностью стихи Нерона и спрашиваетъ, не является ли знаменитое начало Энеиды—„*Битвы и мужа*“—какою-то пѣной и безжизненною вѣткой на пробковомъ деревѣ въ сравненіи съ ихъ великолѣпіемъ? И когда поэтъ спрашиваетъ, что̀ можно прочесть нѣжнаго, склоняя шею, противникъ снова цитуетъ ему округлые, но безсодержательные стихи того же Нерона. *Аттисъ*—одинъ изъ жрецовъ Цибелы на горѣ *Берецинтъ*. Катуллъ (63) представляетъ судьбу этого Аттиса. Такого же рода стихотвореніе Аттисъ было сочинено Нерономъ, который публично пѣлъ его подъ звуки цитры.

94. *Нерей* — одно изъ старшихъ морскихъ божествъ, супругъ Дориды и отецъ Нереидъ. Здѣсь—вмѣсто самаго моря.

95. Аппенинскій хребетъ тянется черезъ всю Италію. При хребтѣ не трудно представить себѣ и ребро, а при вычурномъ выраженіи, вмѣсто того чтобы сказать: мы переѣхали черезъ Аппеннинскій хребетъ, выразиться: мы извлекли (уничтожили) одно изъ реберъ Аппеннинскаго хребта.

99. *Мималлонскимъ*...—въ этихъ четырехъ стихахъ изображаются подробности вакхическаго шествія. Мималлонами назывались вакханки по имени Іони-

И похитивъ тельца надменнаго голову, носитъ
Бассарида и, рысь управляя плющами, менада
Эвія кличетъ; и ей отвѣчаетъ возвратное эхо"?
Было ль бы это, когда бъ хоть жилка отцовскаго духа
Въ насъ проживала? Слюной покрытое сверху безсильно,
Плаваетъ это въ устахъ, влажна и менада, и Аттисъ,
По столу онъ не стучитъ и не знаетъ, какъ ногти кусаютъ.
„Но что̀ пользы задѣть угрызающей правдою ушки
Нѣжныя? Ты погляди, чтобы знатныхъ дверь не застыла
Передъ тобой; тамъ рычитъ собачья буква изъ носу".
А по мнѣ, такъ впередъ пусть всѳ окажется бѣлымъ;
Что мнѣ! Чудесны вы всѣ! Всѣ будьте вы дивомъ созданья.
Такъ ли? Вотъ здѣсь—говоришь—запрещаю я всѣмъ испражняться.
Двухъ ты змѣй нарисуй: ребята, священное мѣсто,
Тутъ не мочитесь!—уйду. Трепалъ Луцилій столицу

ческой горы Мимаса, какъ онѣ же назывались бассаридами и менадами. *Эвій*—одно изъ именъ Вакха.

100. Намеки на выведенное Еврипидомъ преданіе о Ѳиванскомъ царѣ Пентеѣ: за свое пренебреженіе къ Вакху онъ былъ растерзанъ своею матерью Агавою и ея сестрами Иною и Автоноей, которыя въ вакхическомъ безумствѣ преслѣдовали его какъ дичину и въ тріумфѣ разносили оторванную его голову (Горація Оды, II, 19, 14—16; Проперція, III, 17, 24).

101. У поэтовъ колесница Вакха попеременно запряжена рысями или тиграми.

105. Такой плавный наборъ словъ произносится съ тѣмъ противнымъ сюсюканьемъ, которымъ до сихъ поръ щеголяютъ богатые люди дурнаго тона, и при составлении такихъ стиховъ не встрѣчается затрудненій, при которыхъ приходится стучать по столу и грызть ногти.

109. Подъ собачьею буквой здѣсь подразумѣвается *р*, слышное въ собачьемъ рычаніи. Собесѣдникъ говоритъ о высокомѣрномъ отзывѣ знатнаго о смутившемъ его спокойствіе сатирикѣ.

113. *Двухъ ты змѣй нарисуй*—какъ геніевъ и охранителей мѣста. Змѣи или драконы часто въ подобномъ качествѣ являются у древнихъ; напримѣръ, драконъ, охраняющій золотое руно, змѣй въ могилѣ (Анхиза—Энеида V, 84—96). Подъ защитой такого генія мѣсто дѣлалось священнымъ и неприкосновеннымъ для оскверненія.

114. Гай *Луцилій* — римскій всадникъ, родился въ 148 г. до Р. Хр. въ Суэссѣ въ Кампаніи и умеръ 46 лѣтъ отъ роду въ 102 г. до Р. Х. въ Неаполѣ. Онъ считается основателемъ римской сатиры (Горація Сат. I, 10, 48). Другъ Сципіона Африканскаго младшаго и Лэлія, онъ былъ деревенскимъ ихъ собесѣдникомъ (Горація Сат. II, 1, 71—74). До какой степени онъ былъ безпощаденъ даже по отношенію къ высоко стоящимъ людямъ своего времени, можно видѣть по многимъ уцѣлѣвшимъ отрывкамъ изъ его тридцати книгъ.

Съ Лупомъ, о Муцій, тебя, и зубъ надъ ними сломилъ онъ;
Трогаетъ всякій изъянъ у друга, въ немъ смѣхъ возбуждая,
Хитрый Флаккъ, и допущенный около сердца играетъ;
Ловокъ, вздернувши носъ, надъ народомъ онъ издѣваться:
Мнѣ-то и пикнуть не смѣть? ни явно, ни въ ямку, ни разу?
Здѣсь зарою межъ тѣмъ: я видѣлъ, самъ видѣлъ, о, книжка.
Кто же ослиныхъ ушей не имѣетъ? и эту я тайну,
Этотъ мой смѣхъ, хоть такой ничтожный, тебѣ не продамъ я
За Иліаду. О, ты, овѣянный дерзкимъ Кратиномъ,
Надъ Евполисомъ крутымъ и старцемъ могучимъ ты блѣдный,
Вотъ загляни и сюда, чего подѣльнѣй не найдешь ли.
Пусть у читателя тутъ моего разгорается ухо:
Не у того, кто готовъ посмѣяться сандаліямъ грековъ,
Грязный самъ, и сказать косому кто можетъ: раскосый,
Чѣмъ-то считая себя, потому что въ чинахъ италійскихъ,
Бывши эдиломъ, крушилъ онъ невѣрныя мѣрки въ Арретѣ;

---

115. Корнелій Лентулъ *Лупъ* былъ консуломъ въ 157 г. до Р. Х., а Публій *Муцій* Сцевола въ 133 г. Лупъ и Муцій были оба врагами Сципіона, и это могло быть одною изъ причинъ озлобленія Луцилія противъ нихъ: тѣмъ не менѣе послѣдній сломилъ надъ ними свой зубъ, то-есть, не въ силахъ былъ ущербить ихъ достоинства.

119. *Ни въ ямку....* За подробностями, на которыя здѣсь намекаетъ поэтъ, слѣдуетъ обратиться къ Овидію (Превращ. XI, 96—193), гдѣ разказано, какъ цирюльникъ царя Мидаса, увидавъ ослиныя уши послѣдняго и чувствуя потребность разказать объ этомъ, изъ боязни опасныхъ для него сплетенъ вырылъ ямку и тихо прошептавъ въ нее: „у царя Мидаса ослиныя уши“, вновь ее зарылъ, но весною выросшій изъ ямки камышъ, шатаясь отъ вѣтра, разгласилъ эти слова по всему свѣту.

123. *За Иліаду*—Акція или другаго моднаго поэта. *Кратинъ*—аѳинянинъ; умершій въ 423 г. до Р. Х. комикъ, доказывалъ свою отвагу многими дерзкими нападками на Перикла.

124. *Евполисъ*—тоже аѳинянинъ, процвѣтавшій съ 446 г. до 411 г. до Р. Х.; отъ обоихъ остались только отрывки. *Старецъ могучій*, сопоставляемый Горацiемъ (Сат., I, 4, 1) съ Евполисомъ и Кратиномъ,—очевидно Аристофанъ (444 г. до 380 г. до Р. Х.), прозванный старцемъ не за преклонныя лѣта, а какъ поэтъ стараго времени.

126. Поэтъ нашъ желаетъ дѣйствовать своею сатирою на читателя, но не на того не отесаннаго грязнаго патріота, который готовъ смѣяться надъ опрятнымъ костюмомъ грековъ и вообще грубо относиться къ людямъ.

129. Которые чванятся тѣмъ, что нѣкогда служили въ низкихъ полицейскихъ чинахъ.

130. *Арретъ*, нынѣ Аррецо, муниципальный городъ въ Этруріи. Эдилы обязаны были наблюдать за вѣрностью мѣръ и вѣсовъ и разбивали невѣрныя глиняныя мѣрки.

Ни кто числа доски и на мелкой пыли помѣтки
Ловокъ на смѣхъ подымать, на радость большую готовый,
Коль девятичасовая рветъ цинику бороду дерзко.
Утромъ дарю имъ эдиктъ, а послѣ стола—Каллирою.

Сатира вторая.

Этотъ день, о, Макринъ, помѣть ты камешкомъ лучшимъ,
Тотъ, что̀ свѣтелъ тебѣ умножаетъ текущіе годы;

---

131. Поэтъ не желаетъ имѣть дѣла и съ тупыми противниками науки, представляемой здѣсь ариѳметикою и геометріей. Доски и столы для ариѳметическихъ цифръ и геометрическихъ фигуръ посыпались пескомъ или пепломъ для черченія на нихъ.

133. До трехъ часовъ пополудни, то-есть, до девятаго часа по римскому исчисленію, публичнымъ женщинамъ воспрещалось появляться на улицѣ. Циническіе философы ходили съ небритыми бородами, и конечно, противнику науки доставляло великую радость, когда девятичасовая вцѣплялась въ бороду циника.

134. Такимъ людямъ поэтъ предлагаетъ знакомиться по утру съ эдиктомъ претора, по нашему съ полицейскими объявленіями, которыя прибивались на Форумѣ гдѣ всякій праздношатающійся могъ перечитывать ихъ, а послѣ стола, съ Каллироей, вѣроятно, извѣстною въ то время общедоступною красавицей. Послѣднія любили принимать благозвучныя миѳологическія имена.

Содержаніе: Луцилiевское стремленіе къ издѣвательству и насмѣшкѣ, столь ярко выступающее въ первой сатирѣ, отступаетъ въ этой второй и всѣхъ послѣдующихъ окончательно на задній планъ, и напротивъ обнаруживается настоящій характеръ сатиры Персія, преимущественно обращенной на религіозные и нравственные вопросы. Таково было вліяніе стоической школы на нашего поэта. Съ легкой руки Сократа стоики тоже задавались вопросами и отвѣтами объ отношеніяхъ человѣка къ божеству вообще и о молитвѣ въ особенности. Въ предлежащей сатирѣ Персій избралъ послѣднюю предметомъ обсужденія. Исходомъ къ нему онъ принимаетъ день рожденія своего друга Плотія Макрина и приносимыя по этому случаю жертвы богамъ. Человѣкъ—такова главная послѣдовательность мыслей—представляетъ себѣ божество по собственному образу мыслей и поступковъ, и признакомъ безнравственности и безвѣрія съ давнихъ лѣтъ была увѣренность, что божество до того близоруко и слабо, что ради внѣшнихъ знаковъ благочестія станетъ благосклонно смотрѣть на проступки и лицемѣріе своихъ почитателей. Съ восьмаго стиха до семьдесятъ-третьяго выводится рядъ недобросовѣстныхъ и въ сущности нелѣпыхъ прошеній, а затѣмъ указывается на то, съ чѣмъ слѣдуетъ отправляться въ храмъ, то-есть, съ чувствомъ правды и съ честнымъ сердцемъ.

1. Ѳракійскіе народы, о которыхъ часто упоминаютъ древніе поэты (Горація Оды, I, 27, 2; Эп., V, 13; Вергилія Эн, VI, 120, XI, 659; Ювенала, VI, 404.), отмѣчали бѣлыми или черными камешками, бросаемыми въ урну, счастливые и несчастливые дни. И Горацій (Оды, I, 36, 10) отмѣчаетъ день возвращенія

Генія чествуй виномъ. Вѣдь молишься ты не торгуясь
И не просишь о томъ, что̀ богамъ повѣряютъ лишь тайно;
Часть же большая вельможъ посвятитъ молчаливо свой ладонъ.
Вѣдь не всѣмъ же легко бурчанье и шепотъ невнятный
Вовсе изъ храмовъ изгнать и жить откровенной молитвой,
Здраваго смысла, молвы и чести,—вотъ вслухъ для сосѣда;
А про себя онъ бурчитъ и подъ самый языкъ: О, когда бы
Дядя убрался, какимъ погребеніемъ! или: О, еслибъ
Звякнулъ мнѣ котелокъ серебра подъ граблями, волей
Геркулеса! когда бъ сироту мнѣ пришлось, за которымъ
Ближнимъ наслѣдникомъ я, зачеркнуть! въ паршѣ преисполненъ
Онъ желтухой. У Нерія вотъ уже третья супруга!
Такъ чтобъ молился ты святъ, погружаешь въ пучину ты Тибра
Голову дважды съ утра иль трижды, ночь влагой смывая.
Вотъ отвѣчай мнѣ скорѣй—по крайности знать бы хотѣлось—
Мыслишь о Зевсѣ ты какъ? Вѣдь ты предпочесть его вѣрно
Склоненъ кому? Да кому? Хоть Стаю? Ты развѣ въ сомнѣньи?
Кто же властнѣйшій судья, кто мальчикамъ сирымъ полезнѣй?
То, что̀ хочешь ты самъ трубить Юпитеру въ уши,

Плотія Нумиды *критскою*, то-есть, мѣловою чертою. По замѣчанію схоліаста, Плотій Макринъ былъ ученый другъ Персія, съ которымъ онъ познакомился въ домѣ Сервилія Ноніана и у котораго дешево купилъ небольшой клочекъ земли.

3. Древніе представляли себѣ генія жизни—юношей, вѣнчаннымъ цвѣтами, который рождался и умиралъ вмѣстѣ съ каждымъ человѣкомъ. Въ день рожденія ему воздвигали алтарь изъ свѣжаго дерна и ублажали пиршествомъ.

8. Иной, произнося вслухъ стоическую молитву, бурчитъ про себя самыя зазорныя прошенія.

11. *Волей Геркулеса*... Персій, очевидно, имѣлъ въ виду Горація (Сат., II, 6, 13). Обрѣтеніе кладовъ приписывалось благости Меркурія, но въ то же время и Геркулесу, какъ богу обогатителю.

12. По римскимъ законамъ, ближайшій родственникъ становился опекуномъ осиротѣвшаго наслѣдника, по смерти котораго наслѣдовалъ опекунъ.

14. Приводимый и Гораціемъ (Сат., II, 3, 69) ростовщикъ Нерій беретъ изъ-за приданаго третью жену.

19. *Стай*, по мнѣнію схоліаста, Казавбона, Доннера, Вебера и другихъ,—безсовѣстный опекунъ. Настоящее мѣсто представляетъ не мало затрудненій при истолкованіи. Мы понимаемъ его согласно объясненію Тейфеля такъ: напрасно ты думаешь, взирая на пораженіе громомъ священнаго дуба при сохранности твоего дома, что Юпитеръ введенъ въ обманъ твоими лживыми молитвами. Поручи благочестивому Стаю громко воскликнуть за тебя къ Юпитеру, а Юпитеръ не станетъ самъ къ себѣ восклицать такія лживыя молитвы.

Это ты Стаю скажи, пусть вопитъ: о Юпитеръ! о щедрый
Ты, Юпитеръ! А самъ-то Юпитеръ къ себѣ не воскликнетъ?
Думаешь, что онъ простилъ, хоть гремитъ, потому что скорѣе
Дубъ священнымъ огнемъ раздробленъ, чѣмъ ты да и домъ твой?
Иль потому, что ни фибръ у овецъ не спросясь, ни Эргенны
Ты, какъ печальный заказъ, обѣгаемый въ рощѣ, простерся,
Такъ за это тебѣ Юпитеръ дастъ бороду дергать
Глупую? Иль есть у тебя, цѣною чего закупаешь
Уши боговъ? Неужели легкимъ да потрохомъ жирнымъ?
Бабушка мальчика вотъ, иль въ страхѣ божіемъ тетка
Изъ колыбели беретъ, и лобъ, и влажныя губки
Безымяннымъ перстомъ и слюной очистительной прежде
Освящаетъ, хранитъ отъ жгучаго глаза досужа;
Пѣстуетъ тутъ на рукахъ и крошку надежду съ мольбою
Жаркой къ Лицинію шлетъ въ поля иль къ Крассу въ чертоги:
Пусть пожелаютъ его въ зятья и царь, и царица;
Дѣвы пускай его рвутъ; куда онъ ни ступитъ, пусть розы!
Но кормилицѣ я не вручаю молитвъ; откажи ей

---

26. Или ты полагаешь, что, не справившись съ указаніемъ жертвенныхъ внутренностей на благопріятный исходъ приношенія и съ изреченіями главнаго жреца *Эргенны* (этрусское имя, составленное по аналогіи съ Порсенной, Сизенной, Перпенной) только за то, что ты (ст. 27) растянулся по землѣ, *какъ печальный заказъ* (мы не нашли болѣе подходящаго слова для обозначенія bidental, мѣста, на которомъ человѣкъ былъ убитъ громомъ, и на которомъ въ жертву приносились овцы, такъ какъ оно считалось священнымъ и потому огораживалось),—Юпитеръ дозволитъ тебѣ дергать у него бороду.

33. Digitus infamis (impudicus, Марціалъ VI, 70, 5) назывался не безымянный палецъ, а средній, такъ какъ чрезъ вытягиваніе его при сокращеніи остальныхъ поднесеніе его въ такомъ видѣ кому-либо считалось оскорбительнымъ. Слюнамъ, по свидѣтельству Плинія (Натуральная Исторія), приписывались особенныя силы и преимущественно предохранительныя отъ глазу и порчи; см. Тибулла I, 2, 59, 96.

35. *Крошку надежду...* въ томъ смыслѣ, какъ и теперь говорятъ: этотъ ребенокъ—наша надежда.

36. *Лициній* былъ первоначально рабомъ Юлія Цезаря и въ этомъ качествѣ по наслѣдству перешелъ къ Августу. Послѣдній отпустилъ его на волю и сдѣлалъ правителемъ Галліи, гдѣ, награбивъ несмѣтное богатство, онъ накупилъ множество земель, такъ что имя его сдѣлалось поговоркой богатства, подобно какъ имя *Красса*.

38. *Куда онъ ни ступитъ, пусть розы*,—слич. Гомера Иліада, XIV, 347.

Въ нихъ, Юпитеръ, хотя бъ она и молилася въ бѣломъ.
Мышцамъ молишь ты силъ и къ страсти здраваго тѣла:
Пусть будетъ такъ; но огромное блюдо и тучныя яства
Дать согласье на то возбраняютъ богамъ и Зевесу.
Ты богатства скопить умоляешь, быковъ убивая,
И зазываешь Меркурія фиброй: дай счастья Пенатамъ,
Дай скота и стадамъ приплода! откуда же, глупый,
Ежели столькихъ телицъ во пламени топишь ты сало?
Все же старается онъ кишками и жирнымъ печеньемъ
Взять: ужь поле растетъ, уже размножаются овцы;
Вотъ мнѣ пошлется, вотъ, вотъ! пока безнадеженъ и грустенъ
Тщетно онъ не вздохнетъ: на днѣ копѣйка на́ самомъ!
Если серебряныхъ чашъ и золотомъ густо покрытыхъ
Въ даръ я тебѣ принесу, вспотѣешь и грудію слѣва
Капли начнешь выжимать, отъ радости сердце забьется.
Вотъ откуда ты взялъ, что золотомъ ты обѣту
Лики наводишь святыхъ, чтобъ тѣ средь мѣдныхъ собратій,
Что посылаютъ намъ сны, отъ слюнъ оставаясь всѣхъ чище,
Главными были, и ихъ борода была бъ золотая.
Золото Нумы горшки и Сатурнову мѣдь устранило,

---

40. *Въ бѣломъ*, чистомъ одѣяніи, какъ требуетъ молитва.

45. Сообразно ли поступаешь ты, глупецъ, моля Меркурія объ умноженіи твоихъ стадъ, когда ты въ то же время на алтарѣ его возлагаешь тукъ несмѣтнаго количества коровъ.

49. Тѣмъ не менѣе безумецъ продолжаетъ мечтать о размноженіи стада, пока не придется вздохнуть надъ послѣдней копѣйкой въ кошелькѣ.

52. Если я подарю тебѣ драгоцѣнныхъ вещей, то тебя броситъ въ потъ, и радостное сердце твое выжметъ изъ глазъ твоихъ слезы удовольствія.

55. Вотъ почему ты полагаешь, что золото пріятно и богамъ.

56. Схоліастъ говоритъ, что Августъ въ портикѣ на холмѣ Палатинскомъ поставилъ съ одной стороны мѣдныя статуи пятидесяти Данаидъ, а съ другой напротивъ нихъ конныя статуи пятидесяти ихъ жениховъ, сыновей Египта. О нихъ говорилось, что они проспавшему ночь во храмѣ посылали пророческіе сны, и быть можетъ, въ благодарность за ихъ исполненіе вѣрующіе золотили статую, отъ которой ожидали пророчества. Поэтому Персій называетъ сыновей Египта *собратіями*, хотя Тейфель относитъ это прозваніе ко всѣмъ изваяніямъ боговъ.

59. Второй римскій царь Нума Помпилій не допускалъ при богослуженіи золотыхъ или серебряныхъ сосудовъ, а предписывалъ употребленіе глиняныхъ. Въ древности (въ вѣкъ Сатурна) въ Италіи не было другой монеты кромѣ мѣдной. Поэтому и самое казнохранилище получило отъ мѣди свое названіе *ae arium.*

Урны весталокъ оно замѣнило и тусскую глину.
О согбенныя въ земь и небеснаго чуждыя души!
Что за польза вносить намъ въ храмы подобные нравы
И благое богамъ выводить изъ плоти грѣховной?
Это корицу она распустила въ прогорклой сливѣ,
Также калабрскую шерсть сварила въ пурпурѣ ложномъ,
Жемчугъ изъ раковинъ скресть она же и изъ горячихъ
Жилъ металлъ отдѣлять отъ грубаго праха велѣла.
Вотъ и грѣшитъ да грѣшитъ: но порокъ ей на пользу, а вы-то
Мнѣ скажите, жрецы, что золоту дѣлать въ святынѣ?
То не куклы ли тѣ жь, что жертвуютъ дѣвы Венерѣ?
Что жь не несемъ мы богамъ, чего на блюдѣ огромномъ
Дать не можетъ слѣпой, Мессалы великаго отпрыскъ? —
Чувство правды въ душѣ и долга, святое сознанье
Духа, и сердце, куда благородная честность запала.
Этого дай, чтобы въ храмъ отнести, и мукѝ посвящу я.

Сатира третья.

Вотъ постоянно все такъ! Ужь ясное утро въ окошки
Проникаетъ и свѣтомъ врывается въ узкія щели,
Мы же храпимъ, чтобы могъ непокорный Фалернъ остудиться

---

60. При Нумѣ и весталки носили воду въ храмъ въ сосудахъ изъ тусской (этрусской) глины.

68. Вся эта индустрія, вызываемая плотскими и грѣховными побужденіями, по крайней мѣрѣ приноситъ вещественную пользу, тогда какъ золото для боговъ безполезно. Роскошь требуетъ и благовонной мази, и калабрской шерсти, окрашенной поддѣльною пурпурною краской.

70. Дѣвушки по выходѣ замужъ посвящали Венерѣ своихъ куколъ.

72. М. Валерій Корвинъ Мессала, консулъ въ 32 г. до Р. Х., былъ приближеннымъ Августа и высокимъ покровителемъ науки (см. Тибулла 1 (I, 7) и 4 (I, 3). Здѣсь предполагается вообще выродокъ почтеннаго семейства, который не въ состояніи приносить богамъ въ храмъ тѣхъ душевныхъ качествъ, о коихъ здѣсь говорится.

75. Поэтъ говоритъ, что съ подобными дарами готовъ идти въ храмъ, хотя бы по бѣдности пришлось ограничить жертвоприношеніе простою мукою.

Содержаніе: Въ этой сатирѣ говорящимъ выведенъ одинъ изъ окружающихъ юношу, до полудня лежащаго въ постели послѣ ночи, проведенной въ кутежѣ. Этотъ нѣкто, вѣроятно, судя по рѣзкости тона, стоическій философъ, руководящій воспитаніемъ юноши.

8. *Непокорный Фалернъ*. Въ Кампаніи на границѣ Лаціума близъ Синуэссы находились холмы Фалернскіе. Здѣсь производилось знаменитое фалернское вино,

Въ самое время, какъ тѣнь касается черточки пятой.
Что же дѣлаешь ты?—„Давно ужь каникула ярость
Жатву сухую печетъ и скотъ весь подъ ильмомъ широкимъ“,
Молвитъ изъ близкихъ какой.—„Дѣйствительно? такъ ли? скорѣе
Кто-нибудь шелъ бы сюда! никого?“—и желчь поднялася:
„Лопну!“—подумаешь ты, реветъ аркадское стадо.
Вотъ и книга, и шерсть сронившій двухцвѣтный пергаментъ
Въ руки онъ взялъ и тростникъ колѣнчатый съ хартіей вмѣстѣ.
Тутъ застонемъ, что густъ на трости растворъ нависаетъ,
Что съ подлитой водой чернота у сепіи блекнетъ,
Что при разбавкѣ вдвойнѣ испускаетъ будылина капли.
О несчастный, и все что ни день несчастнѣйшій, или
Мы дошли до того? чего жь ты ужь лучше какъ голубь
Нѣжный, иль царскій сынокъ не запросишь кашки покушать,
И не противишься ты въ сердцахъ, чтобъ баюкала нянька?—
„Съ тростью ль учиться такой?—Кому говоришь? Отговорки
Что ворчишь? Надуваешь себя, течешь ты, безумецъ;
Будешь въ презрѣньи! Звенитъ при ударѣ изъяномъ и глухо

уступавшее только *Цекубу*. Фалернское вино было до того горячо, что Плиній (Нат. Ист. XIV, 8, 2) преувеличенно говоритъ, будто бы оно воспламеняло. Чтобъ укротить этотъ пылъ, прибавляли сладкаго и нѣжнаго Хіосскаго; см. Горація Сат. I, 10, 24: „Также пріятнѣй, какъ если въ Хіосъ примѣшаютъ Фалерна“.

4. *Тѣнь касается черточки пятой.* Тѣнь указателя солнечныхъ часовъ, единственно извѣстныхъ римлянамъ. Пятый часъ дня соотвѣтствовалъ нашему одиннадцатому утра.

5. *Каникула ярость.* Каникулъ или Сиріусъ—блестящая звѣзда въ пасти Большаго Пса, съ появленіемъ коего (въ концѣ іюля) начинаются такъ называемые каникулы. И такъ какъ онъ доводитъ скотъ до бѣшенства, то самъ названъ *ярымъ*.

10. При выдѣлкѣ пергамента съ кожи первоначально счищалась шерсть и затѣмъ верхъ ея выдѣлывался въ желтый или красный цвѣтъ, а мѣздра — въ бѣлый.

11. *Тростникъ колѣнчатый*, употреблявшійся для письма, подобно перу.

13. *У сепіи*; здѣсь каракатица, доставляющая соименную краску, употреблялась вообще вмѣсто чернилъ.

17. *Царскій сынокъ* можно съ одинаковымъ правомъ перевести: „сынъ богача“, такъ какъ *regum* можетъ здѣсь означать и то, и другое.

20. Мы переводимъ буквально effluis—„течешь“, въ смыслѣ худаго, негоднаго горшка. Тебя ожидаетъ презрѣніе, такъ какъ всякій будетъ чувствовать твою неблаговоспитанность и неблагонадежность, подобно тому, какъ по глухому звуку узнается не обожженный или худой горшокъ.

Не обожженный горшокъ отзывается глиной зеленой.
Мокрая мягкая персть ты,—вотъ постарайся на быстромъ
Безъ конца колесѣ изваяться. Но въ полѣ отцовскомъ
Хватитъ зерна на тебя, блеститъ безупречно солонка,—
Какъ тутъ бояться?—Для жертвъ безопасна алтарная чаша.
Будетъ съ тебя? но прилично ли грудь надрывать, раздуваясь,
Что отъ древа взялся ты тусскаго тысячной вѣткой,
Или что въ пурпурѣ самъ ты цензору кланяться можешь?
Къ черни всю пышность! Тебя узналъ я снутри и снаружи.
Развѣ не совѣстно жить во нравахъ безпутнаго Натты?
Но отъ пороковъ онъ глупъ и выростилъ тучностью жирной
Тѣло, невиненъ онъ въ томъ, не вѣдаетъ, что онъ теряетъ,
И, погрузившись на дно, не пойдетъ пузырями онъ кверху.

---

24. *Но въ полѣ отцовскомъ*; таково обычное возраженіе лѣни дѣтей обезпеченныхъ родителей.

25. *Блеститъ безупречно солонка*; *безопасна алтарная чаша*; соль составляла принадлежность жертвы и считалась освящающею домашнюю трапезу, каковое значеніе сохранилось еще въ русскомъ народѣ наравнѣ съ хлѣбомъ. Вотъ почему солонка служила у римлянъ представительницей утвари достаточнаго человѣка; см. Горація Оды, II, 16, 13:

Счастливъ и малымъ, предъ кѣмъ родовая
Блещетъ солонка за ужиномъ скуднымъ.

Поэтому при малѣйшей возможности солонка и жертвенная чаша были серебряныя, и солонка могла безупречно сіять, а такъ какъ въ случаѣ крайности, не только серебряная солонка, но и алтарная чаша могли поступить въ продажу, то сказать, что послѣдняя *безопасна*, то же, что сказать: хозяйство такого-то благонадежно.

28. *Тысячной вѣткой отъ тусскаго древа*; Геродотъ (I, 94) передаетъ, что тусски (тосканцы) подъ предводительствомъ Тиррена, Лидійскаго царскаго сына, отправились въ Италію и поселились въ Умбрію подъ именемъ тирренцевъ, ранѣе основанія Рима. И вотъ отъ нихъ то вели свою родословную многіе знатные римляне; между прочимъ Меценатъ (Горація Сат., I, 6, 1; Оды, I, 1, 1 и III, 29, 1).

29. *Или что въ пурпурѣ*; здѣсь намекается на званіе „всадника" упоминаніемъ о ежегодномъ конномъ парадѣ всадниковъ передъ цензоромъ. При этомъ всадники появлялись въ такъ-называемой трабеѣ (trabea), бѣлой тогѣ съ широкими пурпурными каймами, первобытной одеждѣ царей, позднѣе консуловъ, авгуровъ и всадниковъ. Тейфель тонко замѣчаетъ, что невысокое значеніе, придаваемое всѣмъ этимъ преимуществамъ, тѣмъ прекраснѣе въ устахъ Персія, что онъ самъ всѣми ими владѣлъ.

30. *Къ черни всю пышность*; отбрось и предоставь все высокомѣрію.

31. *Безпутнаго Натты*; вліяніе прославленнаго Горація такъ сильно на молодаго Персія, что онъ безпрестанно какъ бы натыкается на его фразы. Такъ

Мощный родитель боговъ, ничѣмъ жестокихъ тиранновъ
Не наказывай ты, когда возбуждаетъ ихъ сердце
Ожесточенный порывъ, пропитанный ядомъ горючимъ:
Лишь бы при видѣ добра, что они его бросили, сохли.
Развѣ мѣдь у быка сицилійскаго больше стонала
И сильнѣй устрашалъ съ потолка золотаго висящій
Мечъ покрытую пурпуромъ шею, чѣмъ ежели скажетъ
Самъ себѣ: глубоко, глубоко ты упалъ, и несчастный
Втайнѣ блѣднѣетъ предъ тѣмъ, что ближайшей супругѣ безвѣстно.
Часто, я помню, глаза я въ ребячествѣ мазалъ олифой,
Ежели пышныхъ рѣчей повторять предсмертныхъ Катона
Я не хотѣлъ, при большой похвалѣ учителя дурня,
Какъ, подозвавши друзей, отецъ меня слушалъ потѣя.
Дѣльно; но главное вѣдь узнать, что̀ при счастьѣ шестерка
Дастъ,—вотъ что на душѣ; проклятая много ль собака
Вычеркнетъ; какъ у горшка намѣтить въ узкое горло;

(Горація Сат., I, 6, 124)—Натта отъявленный скряга, а у Персія—отъявленный бездѣльникъ.

35. Указавши на сравнительную безмятежность окончательно нравственно погибшаго человѣка, поэтъ выставляетъ мученіе тѣхъ, которые сами чувствуютъ глубину своего паденія. Такой человѣкъ блѣднѣетъ передъ мыслью о своемъ проступкѣ, котораго не откроетъ даже своей женѣ.

39. *Мѣдь у быка сицилійскаго.* Аѳинянинъ Периллъ отлилъ для тиранна Фалариса Агригентскаго въ Сициліи (550 г. до Р. Х.) мѣднаго быка, въ пустой утробѣ котораго на подложенномъ огнѣ жарились живые преступники. Вслѣдствіе искуснаго устройства, крикъ несчастныхъ подражалъ реву настоящаго быка. По Ибису Овидія (ст. 439), Фаларисъ самъ первый изжаренъ былъ въ этомъ быкѣ.

40. Извѣстный Дамокловъ мечъ.

44. Школьники въ древности, какъ видно, желая избавиться отъ ученія подъ предлогомъ больныхъ глазъ, мазали послѣдніе олифой.

47. *Потѣя*, отъ напряженнаго вниманія къ блестящей декламаціи сына.

48. *Шестерка*; у школьниковъ на умѣ не изреченія Катона, а игры, изъ коихъ упоминаются три главныхъ: въ кости, въ орѣхи и въ кубарь. При игрѣ въ кости лучшимъ швыркомъ или ударомъ Венеры считалось, когда на всѣхъ костяхъ сверху выкидывались все разныя цифры. Хорошимъ ударомъ считалась и шестерка, то-есть, когда на всѣхъ оказывалось число шесть. Самымъ дурнымъ ударомъ, называвшимся *собакой*, считалось то, когда наверху всѣхъ костей оказывалась единица.

50. Въ землю по самое узкое горло зарывали горшокъ, въ который надо было попасть орѣхомъ или камешкомъ, и накидавшій ихъ наибольшее число считался побѣдителемъ.

Или кнутомъ покрутить кубарь изо всѣхъ половчѣе.
Не доступно тебѣ укорять извращенные нравы,
Или чему научаетъ премудрый портикъ, расписанъ
Медами въ брюкахъ, надъ чѣмъ молодежь, острижена гладко,
Бодрствуетъ ночи, сыта стручками и грубой полентой;
Да и буква самосская та, что вѣтви пускаетъ,
Восходящую вправо тебѣ указала тропинку.
Ты все храпишь; голова, потерявшая связь, опустилась
И со вчерашняго все зѣваетъ,—такъ челюсти слабы!
Есть ли гдѣ цѣль у тебя, на которую лукъ направляешь?
Или же въ вороновъ зря черепками и грязью ты мечешь,
Не заботясь, куда забредешь, и живешь на удачу?
Можешь видѣть вотще просящихъ чемерки, когда ужь
Кожу раздула болѣзнь; идущій недугъ предваряйте!
Что и пользы сулить Кратеру великія горы?
Научайтесь, несчастные! сущность вещей познавайте!—
Кто мы, къ чему рождены, какой установленъ порядокъ,
Иль какъ должно мету слегка огибать и откуда;
Въ чемъ смыслъ денегъ, чего подобаетъ желать, сколько пользы

---

52. *Не доступно*, ты способенъ указывать на извращенные нравы и понимать, чему учитъ Аѳинскій портикъ (стоики), гдѣ между прочимъ въ картинахъ, изображающихъ побѣды надъ персами, послѣдніе представлены *медами* въ ихъ національныхъ шальварахъ. Въ этомъ портикѣ (στοὰ ποικίλη) позднѣе училъ философъ Зенонъ и его послѣдователи, получившіе поэтому прозваніе стоиковъ.

54—55. *Молодежь острижена ..... полентой.* Стоики старались закалить свое тѣло. Поэтому все одѣяніе ихъ заключалось въ грубой накидкѣ на голое тѣло. Для большей свободы мысли они коротко стригли волосы и отпускали бороды. Дешевые стручки и грубая ячменная каша составляли ихъ пищу. Такая кашица и по сіе время называется у италіанцевъ полентой, хотя приготовляется изъ маиса, тогда еще неизвѣстнаго.

56. *Буква самосская.* Философъ Пиѳагоръ, родившійся на о. Самосѣ около 580 г. до Р. Х., сравнилъ жизнь человѣческую съ греческою буквою Υ. Буква эта, на подобіе дѣтскаго возраста, подымается прямою дорогой, когда человѣкъ еще не можетъ различить праваго отъ лѣваго, но далѣе, какъ и самая жизнь, буква эта разбѣгается на двѣ дороги, изъ коихъ узкая вправо ведетъ къ мудрости и добродѣтели, а широкая влѣво—къ заблужденію и порокамъ.

61. Изображеніе безтолковаго и безцѣльнаго дѣйствія.

63. *Чемерки*—здѣсь вообще вмѣсто лѣкарства.

65. *Кратеру*, знаменитому врачу, вмѣсто вообще врачу. Какая польза, не предваривши болѣзни своевременно, сулить врачу золотыя горы?

68. Образъ заимствованный отъ ристалища.

Новой монеты въ себѣ; отчизнѣ и милымъ ближайшимъ
Много ль прилично давать; какимъ тебѣ повелѣло
Быть божество, и гдѣ мѣсто твое въ человѣческомъ родѣ;
Научись не завидовать, что такъ много сосудовъ
Въ складѣ богатомъ гніютъ, за защиту разъѣвшихся умбровъ,
Перецъ и окорока, кліента памятникъ марса,
Да что сардинка не вся исчерпана въ первой-то кадкѣ.
Тутъ изъ люда вонючаго центуріоновъ пожалуй
Скажетъ иной: „Знаю я, что мнѣ слѣдуетъ знать, не желаю
Быть я, чѣмъ Аркезилай да скорбные были Солоны
Тѣ, что, склонясь головой и въ землю уставивши взоры,
Все бормочутъ съ собой и молчанье безумное гложутъ
И на отвислой губѣ развѣшивать рѣчи готовы,
Старца недужнаго сны разбирать,—родиться не можетъ
Изъ ничего—ничего, и ничто въ ничто возвратиться.
Вотъ ты блѣднѣешь надъ чѣмъ? Не завтракалъ кто, вотъ за это?“
Это народу смѣшно, и толпа молодцевъ здоровенныхъ,
Задирая носы, испускаетъ раскатистый хохотъ.
„Посмотри-ка, невѣсть почему моя грудь такъ трепещетъ,
Дышется горломъ больнымъ тяжело; посмотри-ка, любезный!“

---

70. *Новой монеты*, въ смыслѣ вновь пріобрѣтенной.

74—75. *За защиту разъѣвшихся умбровъ.... и кліента... марса.* Закономъ, проведеннымъ въ 205 г. до Р. Х. народнымъ трибуномъ Цинціемъ Алиментомъ, воспрещалось публичнымъ защитникамъ брать за свою услугу деньги, каковой законъ былъ подтвержденъ и Августомъ, но защитникамъ не запрещалось принимать подарки и приношенія всякаго рода съѣстными припасами. Разъѣвшіеся, разбогатѣвшіе умбры поставлены здѣсь въ противоположность марсамъ, сохранившимъ еще первобытную простоту даже въ своихъ приношеніяхъ.

77. *Изъ люда вонючаго центуріоновъ*—военные сотники, благонадежные на своихъ мѣстахъ, но вышедшіе изъ самыхъ низкихъ народныхъ слоевъ, и потому не слишкомъ чистоплотные, являются здѣсь представителями неотесанности.

79. *Аркезилай*, ученикъ Теофраста и Полемона и противникъ Зенона, основатель новой академіи; *скорбные* относится ко всѣмъ философамъ, а не къ Солону лично.

83. *Старца недужнаго.* Подразумѣвается родившійся около 470 г. до Р. Х. во ѳракійскомъ городѣ Абдерѣ греческій философъ Демокритъ, отправившійся по смерти отца своего учиться въ Египетъ и въ Азію и занявшій одно изъ первыхъ мѣстъ между естествоиспытателями древности и развившій атомистическую теорію своего предшественника Левкиппа.

88. Аллегорическое изображеніе физическихъ недуговъ вмѣсто духовныхъ.

Такъ говоритъ онъ врачу, велитъ успокоиться этотъ.
Только третья лишь ночь увидала спокойнѣе вены,
Изъ дому, что пополнѣй, небольшую велитъ онъ бутылку
Суррентина просить для себя предъ купаньемъ помягче.
„Ты поблѣднѣлъ, дорогой?“—„Ничего“.—„Но замѣть же хоть это,
Что тамъ ни будь: у тебя желтѣя вздувается кожа“.
Ты гораздо блѣднѣй; опекунъ у меня ты напрасный;
Прежде того схоронилъ: твой чередъ.—„Продолжай, я умолкну“.
Моется, полонъ онъ яствъ, и съ животомъ побѣлѣвшимъ,
Испаренія сѣрныя тихо пуская изъ горла;
Но за виномъ появляется дрожь, и нагрѣтую чашу
Выбиваетъ изъ рукъ, стучатъ раскрытые зубы.
И изъ слабѣющихъ губъ утученный кусокъ выпадаетъ.
Тутъ-то трубы и факелы, и наконецъ-то покойникъ
Въ ложѣ высокомъ простертъ, густо измазанъ амомомъ,
Оконенѣлыя въ дверь обращаетъ пятки; взялись же
Несть, что головы лишь на канунѣ покрыли квириты.
Вены пощупай, бѣднякъ, и руку на грудь положи ты.
„Жару тутъ нѣтъ“.—Оконечности ногъ и рукъ ты пощупай.

---

93. На холмахъ Суррента, приморскаго города въ Кампаніи, произрастало драгоцѣнное вино, которое въ старости получало особую мягкость и, по словамъ Плинія, имѣло цѣлебную силу.

98. *Животомъ побѣлѣвшимъ*, признакомъ водяной (см. Горація Оды, II, 2, 15). Римляне считали мытье въ банѣ съ полнымъ желудкомъ убійственнымъ.

100. *Тріенталъ*, сосудъ, въ который помѣщалась третья часть секстарія (sextarius). Мы хотя бы и могли оставить какъ въ подлинникѣ: нагрѣтый тріенталь,—перевели, чтобы не задерживать читателя: „*нагрѣтую чашу*“. Чаша въ рукахъ больнаго нагрѣта лихорадочнымъ жаромъ руки.

103. *Тутъ-то*,—слѣдуетъ описаніе богатыхъ похоронъ.

104. *Амомъ* былъ нынѣ неизвѣстный кустарникъ, изъ соку котораго извлекался драгоцѣннѣйшій благовонный бальзамъ.

106. *Что головы лишь на канунѣ покрыли квириты.* Вновь испеченные римскіе граждане, которыхъ поэтъ преднамѣренно именуетъ квиритами, чтобы выставить ихъ гражданскую полноправность. Это вольноотпущенные духовнымъ завѣщаніемъ покойнаго, бывшіе еще на канунѣ рабами и носящіе въ отличіе отъ рабовъ шляпу (pileus), которую рабамъ дозволялось носить только въ сатурналіи, когда они играли роль свободныхъ людей.

107. Въ дальнѣйшемъ изображеніи рѣчь идетъ уже не о тѣлесныхъ недугахъ, а о нравственныхъ, изъ числа коихъ приводится (109) *алчность къ деньгамъ*; (110)—*сладострастіе*; (111—114)—*чревоугодіе*; (115) *трусость*; (116)—*гнѣвъ*.

„Холоду нѣтъ“.—Но когда случайно увидишь ты деньги,
Или прелестная дочь сосѣда слегка улыбнется,
Сердце обычно ль твое трепещетъ? На блюдѣ остывшемъ
Овощь твердый съ мукой просѣянной въ грубое сито.
Горло попробуемъ мы! Во рту-то нѣжномъ таится
Гнойный нарывъ, не должно обдирать его свеклой плебейской.
Стынешь ты, если страхъ тебѣ блѣдный власы подымаетъ;
Вотъ будто факелъ подсунули, кровь закипаетъ и блещутъ
Гнѣвомъ глаза, говоришь и дѣлаешь то, что̀ и самъ бы
Дѣломъ не здраваго счелъ человѣка Орестъ нездоровый.

Сатира четвертая.

„Дѣло народа ведешь?“ Представь, что брадатый учитель
То говоритъ, глоткомъ изведенный жестокой цикуты.—
„Ждешь ты чего? Говори, питомецъ витіи Перикла,
Подлинно разумъ къ тебѣ и предметовъ проворная сметка
Раньше пришли бороды, сказать и смолчать ты умѣешь.
Вотъ какъ народишка то закипитъ взволнованный желчью,
Духъ твой влечетъ водворить въ толпѣ возбужденной молчанье—
Мановеньемъ руки. Но что же ты скажешь? Квириты,

---

118. *Орестъ нездоровый*; Орестъ, сынъ Агамемнона и Клитемнестры, отмстилъ смерть отца убійствомъ своей матери и ея любовника Эгиста. Преслѣдуемый фуріями, онъ по совѣту дельфійскаго оракула отправился за помощью къ таврической Діанѣ. Здѣсь узнанный сестрою Ифигеніей, жрицей Діаны, онъ вмѣсто того чтобы быть принесеннымъ въ жертву, бѣжалъ съ сестрою, унося статую богини и исцѣлился отъ безумія.

Содержаніе: Извѣстное Γνῶθι σαυτὸν („познай самого себя“) составляетъ тему предлежащей сатиры. Сатира эта тѣмъ болѣе кстати слѣдуетъ за предшествовавшею, что, подобно ей, выставляетъ на глаза слѣдствіе неосновательнаго и не оконченнаго образованія, которое такимъ образомъ не можетъ привести человѣка къ самопознанію. Обращаясь въ настоящей сатирѣ къ человѣку, заискивающему увлечь чернь своими рѣчами для достиженія собственныхъ плотскихъ цѣлей, поэтъ для оживленія рѣчи обзываетъ такого оратора Алкивіадомъ и приглашаетъ его представить себѣ, что замѣчанія онъ слышитъ не отъ Персія, а отъ самаго Сократа.

1. *Брадатый учитель, глоткомъ изведенный жестокой цикуты*,—Сократъ, отравленный цикутой. *Брадатый*—въ смыслѣ почтенный.

3. *Питомецъ витіи Перикла*; Алкивіадъ, сынъ Клинія, ученикъ Сократа. Периклъ былъ назначенъ опекуномъ Алкивіада отцомъ послѣдняго.

8. *Мановеньемъ руки*, всѣ желающіе возбудить вниманіе народа, приглашали толпу къ тишинѣ поднятіемъ руки.

Это не право, я чай, то дурно, а то справедливѣй.
Правду умѣешь вѣдь ты на двойныхъ вывѣшивать чашахъ
Шаткихъ вѣсовъ: разберешь ты правду, когда она между
Кривды, или вводитъ въ обманъ угольникъ, утративши точность
И преступленье ѳитой ты мрачной умѣешь отмѣтить?
Что же поэтому ты, понапрасну лишь кожей нарядный,
Не бросаешь съ утра вилять хвостомъ предъ народцемъ
Ласковымъ, лучше тебѣ Антикиръ испить бы чистѣйшихъ!
Благомъ что высшимъ тебѣ? прожить всегда при роскошномъ
Блюдѣ и кожу свою непрестанно на солнцѣ лелѣять?
Вишь, не иначе и та старуха отвѣтитъ. Начни же:
Я Диномахой рожденъ, кичись, я прекрасенъ—допустимъ;
Вѣдь не хуже того понимаетъ въ лохмотьяхъ Бавкида,
Какъ нараспѣвъ продаетъ разбитному дворовому овощь.
Вотъ никто-то въ себя, никто углубиться не хочетъ,

---

13. *Ѳитой мрачной*. Ѳита—начальная буква греческаго θάνατος (смерть); ее ставили судьи передъ имѣнами приговоренныхъ къ смертной казни.

14. *Понапрасну лишь кожей нарядный*; съ этимъ слѣдуетъ сравнить Горація Сат., II, 1, 62;

. . . . какъ Луцилій
Первый дерзнулъ въ этомъ родѣ стихи сочинять, совлекая
Шкуры съ тѣхъ, что, сіяя, ходили покрытые ими,
А въ серединѣ порочные.....

и Посланія, I, 16, 44—45:

Но за то весь домъ и сосѣдство видитъ, какъ гнусенъ
Внутренній онъ, хотя представителенъ шкуркой красивой.

16. *Лучше тебѣ Антикиръ испить бы*. Было два города, носящихъ названіе *Антикира*. Одинъ у горы Эты въ Ѳессаліи, въ окрестностяхъ коей произрастала бѣлая чемерка (антикира), а другой въ Фокидѣ, гдѣ росла черная. Такимъ образомъ Антикиръ было двѣ, и кромѣ исцѣленія отъ различныхъ болѣзней, какъ очистительное средство, чемерка считалась цѣлительною отъ сумасшествія. Здѣсь слѣдуетъ разумѣть въ послѣднемъ смыслѣ.

19. *Та старуха отвѣтитъ*. Эти слова какъ бы указываютъ на рынокъ, гдѣ старухи продаютъ овощи, и если къ нимъ обратиться съ вопросомъ о высшемъ благѣ, то онѣ скажутъ, что разумѣютъ его въ угожденіи своей плоти.

20. *Диномахой рожденъ*. Имя матери Алкивіада, по которой онъ принадлежалъ къ древнему роду Алкмеонидовъ.

21. *Бавкида*, одно изъ употребительнѣйшихъ греческихъ именъ для подобныхъ женщинъ, продающихъ овощи. Мы перевели слово *verna* словомъ *дворовый*, такъ какъ *verna* былъ не купленный, а въ домѣ выросшій рабъ, а потому и болѣе избалованный и разбитной.

А на плечахъ у передняго только смотритъ на сумку.
Спросишь: „Не знаешь земель Веттидія?“—Чьихъ?—Богача-то?—
Въ Курахъ который вспахалъ, что и коршунъ всего не окружитъ.—
Ты о томъ говоришь богомерзкомъ и генію гнусномъ,
Что, какъ повѣситъ ярмо близъ утоптаннаго перекрестка,
Отскребая съ кадушки со страхомъ старую тину.
Стонетъ: во здравье бы пить! въ рубашкѣ лукъ съ солью кусая,
Какъ надъ горшкомъ съ размазней зарукоплещутъ ребята,
Онъ подонья въ плевахъ умершаго уксуса тянетъ?—
Коль умащенъ возлежишь и выставишь кожу на солнцѣ,
Незнакомецъ ужь тутъ, что локтемъ толкнетъ и жестоко
Обругаетъ: за нравъ и что, тайное все ощипавши,
Ты разверзаешь затѣмъ увядшее лоно народу.
На подбородкѣ когда благовонную бороду чешешь,
Отчего жь у тебя червякъ остриженный видѣнъ?
Пять гимнастовъ пускай щипали бы этотъ расадникъ,
И припекаемый задъ обрывали кривыми щипцами,

---

24. *А на плечахъ у передняго только смотритъ на сумку*. Намекъ на извѣстную Эзопову басню, по которой у каждаго человѣка два мѣшка. Одинъ съ пороками ближняго спереди на груди, другой съ собственными за плечами. Такое представленіе Эзопа Персій нѣсколько измѣняетъ, предполагая, что у каждаго человѣка мѣшокъ съ его пороками за плечами, и всѣ люди, слѣдуя въ рядъ одинъ за другимъ, могутъ видѣть только пороки своихъ предшественниковъ.

25—26. Подобно тому какъ имя *Веттидія* произвольно выбрано для обозначенія богатаго землевладѣльца, такъ точно и сабинскій городъ *Куры*, произвольно поставленъ вмѣсто всякаго другаго.

27. *Богомерзкомъ и генію гнусномъ*; отвратительномъ не только богамъ, но и собственному генію.

28. *Повѣситъ ярмо близъ перекрестка*. Дважды въ году осенью по окончаніи полевыхъ работъ и весною праздновались на перекресткахъ лары, въ честь которыхъ у открытыхъ алтарей вывѣшивалось ярмо, какъ знакъ окончанія работъ. На этихъ праздникахъ пировали господа и рабы и отказывать себѣ въ такіе праздники въ хорошемъ угощеніи считалось величайшей скупостью.

33. Здѣсь переходомъ къ дальнѣйшимъ мыслямъ слѣдуетъ подразумѣвать: Подобно тому какъ ты осуждаешь Веттидія за гнусную скупость, первый сторонній можетъ осудить тебя самого за стремленіе къ утонченной изнѣженности.

35—40. Молодые щеголи отращали длинные волосы на головѣ, но удаляли остальные волоса на всемъ тѣлѣ, частію посредствомъ щипцовъ, а частію посредствомъ липкой смолы, которою ихъ вырывали.

Все никакому межъ тѣмъ этотъ папортникъ плугу не сдается.
Бьемъ мы и сами, за то выставляемъ ноги подъ стрѣлы.
Такъ-то живется. И то мы знаемъ: тайная рана
Подъ животомъ у тебя; но золотомъ поясъ широкій
Все прикрылъ. Ты болтай и плоть обманывай даже,
Ежели можешь.—„Когда называютъ прекраснымъ сосѣди,
Иль мнѣ не вѣришь?“—Коль ты блѣднѣешь, негодный, завидя
Деньги, коль дѣлаешь то, что взбредетъ твоей похоти скорбной,
Если до сильныхъ рубцевъ, пройдоха, ты биржу бичуешь,—
То вотще обратишь къ народу слухменныя уши.
Плюнь ты на то, что не ты, пусть чернь ѳиміамъ свой уноситъ;
Самъ съ собою живи: узнаешь, какъ малъ твой достатокъ.

Сатира пятая.

Это обычай пѣвцовъ голосовъ просить себѣ сотню,
Сотню устъ и желать языковъ для пѣнія сотню,

---

42. *Содержаніе этого стиха*: въ обыденной жизни при войнѣ всѣхъ противъ каждаго, мы, нападая сами, выставляемъ себя подъ удары; но въ то же время стараемся пышною и нарядною внѣшностью прикрывать собственные недостатки. Самообольщеніе въ этомъ отношеніи доходитъ до того, что когда сосѣди называютъ насъ прекрасными, мы готовы принять это за правду. Но можно ли назвать прекраснымъ человѣка, который исполненъ порочныхъ вожделѣній? Только отрезвившійся и духовно уединившійся человѣкъ можетъ понять всю свою нравственную недостаточность.

49. *Puteal* мы для ясности переводимъ словомъ *биржа*, хотя оно означало крышу или ограду извѣстнаго мѣста. Такихъ путеалей въ Римѣ на рынкѣ было два: одно у Комиціи, а другое — при *arcus Fabianus*—было по приказу сената сооружено Скрибоніемъ Либономъ. Здѣсь согласно схоліасту Акрону, мѣнялы устраивали свои лавки и производили дѣла. Поэтому выраженіе — *биржу бичуетъ* слѣдуетъ понимать въ смыслѣ: быть безпощаднымъ ростовщикомъ.

50. Стихъ этотъ мы понимаемъ въ томъ смыслѣ, что при такихъ порочныхъ наклонностяхъ безполезно прислушиваться къ народному мнѣнію, хотя бы оно приписывало человѣку достоинства, которыхъ онъ не имѣетъ.

51. Когда чернь уйдетъ съ подносимымъ тебѣ ѳиміамомъ, ты узнаешь свою бѣдность.

Содержаніе: Эта и слѣдующая сатира отличаются отъ предыдущихъ по формѣ—различнымъ характеромъ. Если въ первыхъ четырехъ сатирахъ Персій какъ бы обращается къ цѣлому свѣту вообще,—такъ во второй сатирѣ имя Макрина поминается случайно,—то для пятой и шестой онъ избралъ форму писемъ, при помощи которой онъ ставитъ ихъ рядомъ съ посланіями Горація и, знакомя насъ съ выдающимися личностями, превращаетъ ихъ въ историческіе документы. Проявляя такимъ образомъ усовершенствованіе въ дѣлѣ искус-

Повѣсть слагается ли, чтобы трагикъ вопилъ ее грустный,
Или о ранѣ, какъ Пароъ изъ бедра извлекаетъ желѣзо.
5. „Это на что? или что за куски ты громоздкой пѣсни
Вводишь, что въ пору затѣмъ на сотни горлъ опираться?
Важно хотящій вѣщать, тумановъ сбирай съ Геликона,
Ежели Прогны предъ кѣмъ горшокъ, предъ кѣмъ ли Тіеста
Будетъ кипѣть, чтобъ не разъ поѣлъ Гликонъ несоленый;

ства, обѣ послѣднія сатиры дѣйствительно выше прочихъ, а настоящая—пятая—является вѣнцемъ всѣхъ Въ ней Персій обращается къ своему учителю и другу отца *стоику Корнуту*. Многократное и любовное обращеніе Персія въ настоящей сатирѣ къ Корнуту представляетъ намъ благородно признательную душу поэта въ самомъ отрадномъ свѣтѣ. Съ 73-го стиха Персій приступаетъ къ своему главному тезису, который выводилъ и Цицеронъ (Парадоксы, V), и Горацій (Сат., II, 7). Это стоическій тезисъ, что одинъ мудрый свободенъ (ὅτι μόνος ὁ σοφὸς ἐλεύθερος). Читатель убѣдится, до какой степени Персій старается разсмотрѣть условія настоящей стоической свободы.

1. *Голосовъ проситъ себѣ сотню*. Желаніе, весьма часто встрѣчающееся у поэтовъ, начиная съ Гомера (Ил. II, 489): „Еслибы десять имѣлъ язычниковъ я и десять гортаней“......

3. *Повѣсть слагается ли*—въ трагической или эпической формѣ.

4. *Пароъ*, какъ обращикъ самаго грознаго противника.

5. *Смыслъ*: на что тебѣ, скромному сатирику, сотню голосовъ? Или же ты въ самомъ дѣлѣ берешься за *громоздкое* пѣснопѣніе, которому нужно сотни горлъ?

8. *Ежели Прогны*.... Здѣсь упоминаются два миѳа, преимущественно представлявшіе содержаніе современныхъ Персію трагедій. *Прогна*, дочь Аѳинскаго царя Пандіона, просила своего мужа Ѳракійскаго царя Терея, отъ котораго родила сына Итиса, съѣздить въ Аѳины за меньшою сестрою Филомелой. Терей, надругавшись дорогою надъ Филомелой и боясь быть уличеннымъ ею, отрѣзалъ ей языкъ и заперъ въ пустынномъ мѣстѣ. Филомела, выткавъ разказъ о своемъ несчастіи, послала холстъ сестрѣ своей Прогнѣ, а та во время вакхическаго торжества освободила сестру и увлекла къ себѣ. Здѣсь обѣ сестры убили Итиса и накормили имъ отца Терея, и когда послѣдній, узнавъ про злодѣйство, бросился съ мечемъ на виновницъ, боги превратили всѣхъ ихъ: Прогну—въ ласточку, Филомелу—въ соловья, Терея—въ удода и Итиса—въ фазана. *Тіестъ* сынъ Фригіцскаго царя Пелопса и братъ Атрея, ставши владыкою Микенъ, соблазнилъ Эропу, жену брата своего Атрея. Вслѣдствіе того Атрей, убивши дѣтей Тіеста, накормилъ ихъ тѣлами отца. Эгистъ, сынъ Тіеста, убилъ Атрея, Агамемнонъ, внукъ Атрея, умерщвленъ женой своей — Клитемнестрой, убитой въ свою очередь Орестомъ, сыномъ Агамемнона. Оба миѳа подвергались у поэтовъ большимъ измѣненіямъ.

9. *Гликонъ несоленый*, весьма любимый народомъ актеръ, во времена Нерона, игравшій по схоліасту приведенныя здѣсь роли. Здѣсь (insulsus) *несоленый* употреблено въ смыслѣ: несуразный, объ актерѣ, переигрывающемъ до каррикатур-

Вѣдь не дующимъ же, какъ плавится масса въ горнилѣ,
Мѣхомъ ты вѣтеръ тѣснишь, не тихимъ ворчаніемъ хрипло
Невѣсть что про себя, глупецъ, ты каркаешь важно
И шлепкомъ осадить не сбираешься щекъ ты раздутыхъ.
Мѣткій придать оборотъ искусенъ ты словомъ народнымъ,
Въ сдержанной рѣчи округлъ, умѣешь поблекшіе нравы
Зацѣпить и вину уколоть самобытной игрою.
Тутъ находи, что̀ сказать, и оставь съ головой и съ ногами
Ты въ Микенахъ столы и довольствуйся пищей плебейской".
Я же на то и не бью, чтобы ребяческимъ вздоромъ
Листъ у меня распухалъ, лишь вѣсу способный дать дыму.
Тайно скажу: предъ тобой я теперь, по внушенью Камены,
Грудь желаю раскрыть и частью, какою владѣешь
Ты души у меня, Корнутъ, показать тебѣ, милый
Другъ мой, отрадно: вѣдь ты распознать ударяя искусенъ,
Гдѣ тугое звенитъ, гдѣ пестрыхъ реченій покрышка.
Къ этому сто голосовъ испрашивать я бы рѣшился,
Чтобы, на сколько тебя въ извивахъ души впечатлѣлъ я,
Высказать ясно я могъ и то все выразить словомъ,
Что̀ таится въ тиши неизрекаемо въ сердцѣ.
Какъ боязливо впервой я хранительный пурпуръ оставилъ,

ности свою роль. Мы уже разъ перевели у Катулла (17, 12) „insulsissimus est homo"—словами: „несоленѣйшій онъ человѣкъ",—въ смыслѣ несообразительный, глупый, ибо слышали это слово въ лѣсу на охотѣ отъ человѣка, не имѣвшаго понятія объ insulsus.

10. Смыслъ: Вѣдь не желаешь же ты, испуская безсодержательную рѣчь, уподобиться кузнечному мѣху.

15. Содержаніе: обладая творческимъ талантомъ, оставь трагическій элементъ (трапезы въ Микенахъ,—см. выше ст. 8) и довольствуйся *пищей плебейской* (будничнымъ содержаніемъ) въ противоположность царской пищѣ Тіеста.

19. „*Я же на то и не бью*", говоритъ Персій своему собесѣднику, „чтобы увеличивать объемъ безсодержательнаго писанія".

21. *Камены*,—первоначально вдохновительныя лѣсныя нимфы древне-италіанскаго культа, позднѣе отождествлены латинскими поэтами съ греческими музами.

25. Корнутъ представляется знатокомъ, умѣющимъ по одному звуку распознать полный горшокъ отъ безсодержательной оболочки цвѣтистой рѣчи.

30. Признательный Персій описываетъ воспитательное на него вліяніе Корнута. *Хранительный пурпуръ*; когда изъ отроческихъ лѣтъ поступилъ въ юношескія. *Пурпуръ* здѣсь вмѣсто ребяческой бѣлой тоги, обшитой пурпурною каймою (toga praetexta).

И препоясаннымъ въ даръ я ларамъ буллу повѣсилъ;
Какъ провожатыхъ привѣтъ и тоги подолъ уже бѣлый
Дозволяли глазамъ по всей разбѣгаться Субурѣ;
Гдѣ такъ сомнителенъ путь и въ невѣдѣньи жизни ошибка
По развѣтвленнымъ путямъ пугливыя души уводитъ,
Я пріютился къ тебѣ: и нѣжные годы пріемлешь
Ты, Корнутъ, какъ Сократъ на груди; тутъ ловко и тихо
Приложенное правило сгладило нрава неровность,
И укрощается разумомъ духъ и старается сдаться,
И подъ твоимъ онъ перстомъ получаетъ обликъ изящный.
Помню вѣдь я, какъ съ тобою мы долгіе дни проводили,
И съ тобой за столомъ коротали мы съ вечера ночи;
Дѣло одно и покой сообща дѣлили мы оба,
И за важнымъ столомъ на распашку пускали мы скромность.
Не сомнѣвайся и въ томъ, что обоихъ въ надежномъ союзѣ
Наши сочувственны дни и одной предводимы звѣздою:
Хоть и правду хранящая парка намъ взвѣсила время
На уравненныхъ Вѣсахъ иль часъ рожденія вѣрныхъ
Межъ Близнецовъ подѣлилъ двоихъ одинаковый жребій

---

31. *Лары* названы *препоясанными*, потому что по большей части они были одѣты по габински со вздернутою подъ поясъ тогою, какъ изображалась Діана и оправлялись охотники и путники. *Буллу*; у богатыхъ золотой и серебряный, а у бѣдныхъ кожаный медальонъ вѣшался какъ спасительный амулетъ мальчикамъ на шею, а въ день совершеннолѣтія посвящался ими ларамъ, подобно тому какъ куклы посвящались дѣвицами Венерѣ.

32. *Какъ провожатыхъ привѣтъ*, какъ строгій надзоръ провожатыхъ, окружавшихъ мальчика, вдругъ превратился въ привѣтъ, когда онъ надѣлъ окончательно бѣлую мужскую тогу (toga virilis).

33. *Субура* одна изъ самыхъ оживленныхъ и шумныхъ улицъ Рима (см. Ювенала III, 5).

41—42. Слич. эти стихи съ Гораціемъ, Оды, II, 7, 6:

Съ кѣмъ часто долгій день виномъ мы коротали.

47. Согласно ученію стоиковъ, неизмѣнныя въ своихъ приговорахъ парки названы *правду хранящими*. Кромѣ того, что изъ трехъ сестеръ старшая *Клото* зачинала жизненную нить человѣка, *Лахезисъ* продолжала ее прясть, а *Атропосъ* перерѣзала ее ножницами въ минуту смерти человѣка, — отъ парокъ зависѣло рожденіе человѣка подъ тѣмъ или другимъ созвѣздіемъ.

48 — 50. Вѣсы вмѣстѣ съ Быкомъ, по мнѣнію древнихъ астрономовъ, въ союзѣ съ Венерою, слыли добрымъ предзнаменованіемъ. Созвѣздіе Близнецовъ Кастора и Поллукса вмѣстѣ съ Дѣвою считалось мѣстопребываніемъ звѣзды обманчиваго Меркурія. *Юпитеръ* въ своемъ дому у Стрѣльца и Рыбъ — съ добрымъ, а *Сатурнъ* у Козерога и Водолея—съ дурнымъ предзнаменованіемъ.

И Сатурна грозу сокрушаемъ мы общимъ Зевесомъ;
Что съ тобой за звѣзда меня сочетаетъ, не знаю.
Тысячи видовъ людей и пестро потребленье предметовъ;
Каждому нужно свое, не живется съ единымъ желаньемъ.
Тотъ въ промѣнъ за товаръ италійскій подъ солнцемъ восточнымъ
Перецъ морщлявый беретъ и зерна бѣлесаго тмина,
Этотъ вотъ сытъ предпочтетъ въ освѣжительномъ снѣ утучняться;
Марсову полю тотъ радъ, тотъ въ кости игрой разорился;
Тотъ съ любострастья разслабъ; когда жь въ костенящей хирагрѣ
Члены разрушатся ихъ, какъ вѣтви стараго бука,
Тутъ лѣнивые дни и свѣтъ, что сокрылся въ болотѣ,
И что жизнь въ нихъ одна осталась, ужь поздно вздыхаютъ.
Ты же любишь блѣднѣть надъ страницами сидя ночными,
Ибо, уча молодежь, въ очищенный слухъ ей влагаешь
Ты Клеанта посѣвъ: и старый, и малый ищите
Вѣрную цѣль для души и напутствіе бѣднымъ сѣдинамъ!
„Завтра возьмусь“. — „Но вѣдь тожь будетъ завтра“. — „Не важное дѣло,
День-то ты дашь мнѣ одинъ?“—Но свѣтъ лишь явится новый,
Уже вчерашнимъ питается завтра; вотъ новое завтра
Годы погонитъ впередъ, и будетъ все дальше немножко.
Ибо хотя близъ тебя, хотя подъ дышломъ единымъ
Все же вертящуюся преслѣдуешь шину напрасно,
Ежели заднимъ бѣжишь колесомъ на оси лишь второй ты.

---

52. *Тысячи видовъ людей*, слич. Горація Сат., II, 1, 27—28:

. . . . . . „и сколько на свѣтѣ головъ, столько тысячъ
Есть умовъ. . . .

пестро потребленье предметовъ. Мы сохранили буквальность „rerum discolor usus“, такъ какъ всякій другой переводъ отклонялся бы отъ мысли поэта: пестры, то-есть, различны не самые предметы и не ихъ назначенія, а образы ихъ употребленія, вслѣдствіе чего одинъ и тотъ же предметъ служитъ различнымъ потребностямъ.

55. *Бѣлесаго тмина*. Высокій сортъ этой пряности (cuminum sativum) считался производящимъ при частомъ употребленіи блѣдность лица.

64. *Клеантъ* изъ Асса въ Мидіи, ученикъ и послѣдователь Зенона и учитель Хризиппа, былъ однимъ изъ выдающихся наставниковъ и опорою стои.

66—72. Смыслъ: ты, лѣнивецъ, откладывающій постоянно на завтрашній день начало своего усовершенствованія, никогда его не достигнешь, подобно заднему колесу, тщетно догоняющему переднее.

Нужно свободы не той, которой всякій Велинскій
Публій добился и смогъ прогорклой муки по табличкѣ
Взять. Для правды, увы! безплодны тѣ, коихъ въ квириты
Ставитъ одинъ поворотъ! Вотъ конюхъ Дама, не стоитъ
Трынки, подслѣпый, дрянной и лгунъ ради рѣзки ничтожной:
Но повернулъ лишь его господинъ, онъ въ мигъ поворота
Выйдетъ Маркъ—Дама: о, о! при ручательствѣ Марка откажешь
Денегъ повѣрить? Иль ты передъ Маркомъ судьею блѣднѣешь?
Маркъ такъ сказалъ: такъ и есть; скрѣпи вотъ, Маркъ, ты таблицы.
Вотъ свобода вполнѣ, какую намъ шляпы даруютъ! —
Кто же свободнѣй того, кто жизнь проводитъ въ состояньи,
Какъ захотѣлъ? Какъ хочу, могу я жить: не свободнѣй
Развѣ я Брута?—Твое заключеніе ложно, сказалъ тутъ
Стоикъ, который промылъ забористымъ уксусомъ уши:

---

73. *Велинскій Публій*, то-есть, человѣкъ принадлежащій къ Велинской трибѣ. Персій, говоря вообще о поступленіи вольноотпущеннаго въ одну изъ трибъ, очевидно, имѣлъ въ виду Горація; см. Посланія, I, 6, 52:

. . . . Тотъ въ Фабіевой, а этотъ въ Велинской
Трибѣ силенъ. . . .

Имя *Публій* — произвольное; вольноотпущенные принимали имена своихъ бывшихъ господъ—Луцій, Публій, Маркъ и т. д.

74. *Прогорклой муки*. Въ Римѣ для раздачи бѣднѣйшимъ гражданамъ муки по удешевленной цѣнѣ существовали магазины, откуда нуждающійся гражданинъ могъ получить свою дачу согнившей муки по табличкѣ. На такое преимущество свободнаго гражданина здѣсь указывается, а ниже (79, 80, 81) указываются и на другія.

76. *Ставитъ одинъ поворотъ*; при освобожденіи раба при помощи хлыста или жезла (festuca, vindicta, rude) преторъ произносилъ знаменитыя слова: „aio te liberum more Quiritium“,—послѣ чего поворачивалъ его кругомъ, а прежній господинъ въ видимый знакъ прекращенія господскаго произвола наносилъ ему ударъ въ лице. *Дама*, одно изъ употребительнѣйшихъ именъ рабовъ, встрѣчающееся и у Горація (Сат., II, 5, 18; II, 7, 54).

79—81. *Маркъ Дама* ручается; является судьею, скрѣпляетъ своею печатью бумаги. Бывшій рабъ Марка, Дама, сталъ, какъ мы сказали (пр. 73), Маркомъ Дамою. Ставши римскимъ гражданиномъ, онъ можетъ исполнять все вышесказанное и скрѣплять своею печатью завѣщанія.

82. Право появляться съ покрытою шляпою головою, см. выше III, 106.

85. Л. Юнія Брута старшаго, изгнавшаго Тарквинія Гордаго и основавшаго республику.

86. *Забористымъ уксусомъ уши*, то-есть, очистилъ и изощрилъ свой критическій слухъ.

Прочее радъ я принять; но могу, какъ хочу, это выкинь.—
Какъ своимъ отошелъ уже я отъ преторской палки,
То почему мнѣ нельзя, чего бъ не велѣла мнѣ воля,
За исключеньемъ того, что Мазурій въ главѣ запрещаетъ? —
Слушай, но гнѣвъ свой уйми и носъ въ морщинахъ насмѣшки,
Какъ я съ легкихъ твоихъ рвать старыя глупости стану.
Дѣло не претора вѣдь глупцамъ подавать наставленья
Тонкія и объяснять управленіе быстрою жизнью:
Ты на самбукѣ скорѣй рабочаго дылду обучишь.
Здравый противится смыслъ и тайно шушукаетъ въ ухо,
Дѣлать не должно того, что, дѣлая, самъ же и портишь.
Общій законъ у людей и природа тому прекословятъ,
Чтобы незнанье безсильное дѣлъ запрещенныхъ касалось.
Хочешь чемерку мѣшать, а стрѣлки на точкѣ извѣстной
Ты не умѣешь держать: то суть запрещаетъ лѣченья:
Если попроситъ себѣ корабля въ сапожищахъ оратай,
Съ Люциферомъ незнакомъ, Мелицертъ воскликнетъ, что въ мірѣ

---

88. На замѣчаніе мудреца касательно тщеты выраженія: *могу какъ хочу*, на что и Шопенгауэръ указываетъ въ своей этикѣ, — вольноотпущенный спрашиваетъ со свойственною ему грубостью пониманія, почему онъ не можетъ поступать, какъ хочетъ за исключеніемъ запрещеннаго въ трехъ книжкахъ Мазурія Сабина, знаменитаго юриста временъ Тиверія. Книги эти о правахъ и обязанностяхъ римскаго гражданина по простотѣ и ясности изложенія были весьма популярны. Мы переводимъ буквально слово *meus* словомъ *своимъ*, то-есть, принадлежащимъ самому себѣ, вмѣсто того чтобы сказать: *какъ свободенъ отшелъ*.

91. На это стоикъ, приглашая вольноотпущеннаго ко вниманію, совѣтуетъ ему насмѣшливо не задирать носа, въ то время какъ мудрецъ своимъ поученіемъ будетъ снимать съ его души застарѣлые предразсудки.

95. Пословица вродѣ: ὄνος πρὸς λύραν, asinus ad lyram (оселъ у лиры).

100. Слич. Горація Посланія, II, 1, 114:

Не корабельщикъ боится вести корабль; божьей травки
Кто не учился, больному не дастъ, лѣкарствомъ снабжаетъ
Лѣкарь одинъ; своимъ мастерствомъ занимается мастеръ.

Чемерку; здѣсь вообще вмѣсто лѣкарства какъ и III, 63 (см. прим. IV, 16). Въ древности врачи, за отсутствіемъ аптекъ, приготовляли лѣкарство сами. *На точкѣ извѣстной*—безмѣна, гдѣ извѣстный вѣсъ отмѣченъ.

101. *Суть лѣченья* требуетъ опредѣленнаго вѣса лѣкарства, а ты желаешь врачевать, не умѣя взвѣшивать.

103. Утренняя звѣзда *Люциферъ* здѣсь вообще вмѣсто звѣзднаго неба, знакомство съ которымъ для кормчаго необходимо. Ино, супруга Ѳиванскаго царя Атаманта, бросилась преслѣдуемая безумнымъ супругомъ вмѣстѣ съ юнымъ сы-

Стыдъ весь погибъ. На ногѣ прожить прямой получилъ ли
Ты искусство, и видъ распознать ты ловокъ ли правды,
Не зазвенѣло бы какъ обманчиво золото съ мѣдью?
То чему слѣдовать долгъ, чего опасаться напротивъ,
Мѣломъ первое ты отмѣтилъ ли, это вотъ углемъ?
Скромны ль желанья твои? При скудности милъ ли съ друзьями?
Ты, какъ запрешь закрома, ихъ вдругъ открываешь ли снова?
Можешь ли мимо пройдти ты въ грязь засѣвшей монеты
И при этомъ слюны не глотать изъ желанья корысти?
Это мое, я могу, коль скажешь по правдѣ, то будь ты
И свободенъ, и мудръ у преторовъ и предъ Зевесомъ.
Если же ты, какъ и былъ недавно, изъ нашего жь тѣста,
Старую шкурку свою сберегъ и при лоскѣ наружномъ
Хитрую все же хранишь въ испорченной груди лисицу,
Что я выше призналъ, отниму, подтяну и веревку:
Разумъ тебѣ не принесъ ничего; палецъ вытянешь, грѣшенъ,
А на что ужь пустякъ? Но и ладонъ ничей не умолитъ,
Чтобъ прилипла къ глупцу разсудка хоть самая малость.
Этого не совмѣстить; и если ты пентюхъ взаправду,
То и трехъ ты колѣнъ не пройдешь, какъ сатиръ за Ваѳилломъ.

номъ своимъ Мелицертомъ въ море. Оба по просьбѣ Венеры приняты Нептуномъ въ число морскихъ божествъ и были почитаемы: Ино у грековъ подъ именемъ Левкотои, а у римлянъ какъ Mater Matuta; а Мелицертъ у первыхъ какъ Палемонъ, а у послѣднихъ какъ Портумнъ. *Мелицертъ* здѣсь вмѣсто всякаго другаго морскаго божества.

104. *На ногѣ*; отсюда стоикъ дѣлаетъ научаемому вопросы, на которые только утвердительные отвѣты представляютъ условія истинной свободы.

108. *Мѣломъ.... углемъ*. Поговорочно, согласно обычаю отмѣчать благопріятное мѣломъ, а неблагопріятное—углемъ. Сходное мѣсто у Горація (Сат., II, 3,246):

Какъ ихъ счесть? за здоровыхъ мѣломъ отмѣтишь иль углемъ?

110. Для вспомоществованія неимущимъ.

115. Говорящій не кичится собственною нравственною высотой и причисляетъ себя къ людямъ самой обычной закваски.

118. Большинство толкователей считаютъ этотъ образъ заимствованнымъ у ребяческой игры, въ которой два лагеря натягиваютъ и попускаютъ два противоположныхъ конца веревки.

119. Человѣкъ порочный, грѣшный, чтобы ни сдѣлалъ, все выйдетъ грѣховнымъ, хотя бы такая безразличная вещь какъ вытягиваніе пальца.

123. *Какъ сатиръ за Ваѳилломъ.* Ваѳиллъ вольноотпущенникъ и любимецъ Мецената, знаменитый танцовщикъ въ пантомимахъ при Августѣ, коего главными ролями, вѣроятно, были пляски сатира.

Я свободенъ.—Гдѣ взялъ это ты, рабъ столькихъ вліяній?
Иль господинъ для тебя лишь тотъ, что лозою отпущенъ?
„Малый, ступай и скребокъ снеси ты въ баню Криспина“.
Если раздастся: „Что сталъ, негодяй?“ жестокое рабство
Не подгоняетъ тебя, и ничто извнѣ не приходитъ
Нервы будить; но когда въ серединѣ печени хворой
Произойдутъ господа, ужель безнаказаннѣй выйдешь
Тѣхъ, коихъ шлютъ ко скребку и кнутъ, и страхъ господина?
Утромъ, лѣнивецъ, храпишь. — „Встань“, крикнетъ алчность, живѣе
„Встань“!—Не встаешь; да встань, повторяетъ. — Не хочется.— Встань же.
Дѣлать-то что?—Хочешь знать? Вывози-ка ты рыбу изъ Понта,
Паклю, эбенъ, касторей и ладонъ и Коссъ мягковатый;
Перецъ сперва ты сними съ истощеннаго жаждой верблюда;
Вымѣняй что; разбожись.—Но Юпитеръ услышитъ.—Эхъ глупый
Будь доволенъ лизать и пальцемъ вертя по солонкѣ
Вѣкъ проводить, коль жить съ Юпитеромъ только намѣренъ!
Ужь на рабовъ, подсучась, бутыль ты вьючишь да кожи:
Поскорѣй на корабль! Ничто не мѣшаетъ Эгейской
Влаги килемъ бороздить: когда бъ сластолюбіе раньше
Ловко не стало твердить: Куда жь ты, безумецъ? Куда ты?

---

125. Смыслъ: ужели только формально вольноотпущенный можетъ тебѣ какъ рабу приказывать?

126. Публичныя бани, посѣщаемыя въ Римѣ преимущественно среднимъ и бѣднымъ классами (такъ какъ у знати были домашнія бани), назывались именами своихъ учредителей. Такъ и здѣсь баня носитъ названіе *Криспина*, упоминаемаго Ювеналомъ (I, 27; IV, 1). Онъ былъ египетскій рабъ изъ Канопа и, получивши свободу при Неронѣ, при богатствѣ дослужился до magister equitum. Мѣдный скребокъ—для соскребанія пота и елея.

129. *Въ серединѣ печени хворой*; печень считалась у древнихъ мѣстопребываніемъ страстей (Эсхилъ, Агам., 444, 801; Еврипда Иппол., 1070; Горація Сат., I, 9, 66; Оды I, 13, 4; Ювен. I, 45; VI, 647). Развѣ голоса страстей, возникающихъ въ душѣ, не такіе же господа?

135. *Касторей*—бобровая струя. *Коссъ мягковатый*; надо здѣсь подразумѣвать бѣлое и нѣжное вино съ острова Косса, а не прозрачныя шелковыя ткани, высоко цѣнимыя легкими римскими красавицами.

137. Алчность, заставляющая торговца лживо божиться, поясняетъ ему, что отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ.

138. *Пальцемъ вертя по солонкѣ*—пустой.

140. *Подсучась*, см. выше прим. 31.

Что затѣваешь? Въ груди горячей твоей закипаетъ
Мощная желчь, что залить не въ силахъ и урна цикуты?
Ты ль черезъ море шагнешь? Прислонясь къ витому канату,
Станешь ли ѣсть на скамьѣ, и красненькимъ будетъ Вейенскимъ,
Запахъ смолы получа, отзываться плохая кубышка?
Хочешь чего? Чтобы здѣсь добывавшія деньги лишь скромно
Пять, приносили въ поту одиннадцать роста скупому?
Генія ты ублажи, насытимся сладостью! Наше
Вотъ, что живешь ты; золой и тѣнью и сказкою станешь.
Помня о смерти, живи! Проносится часъ, какъ и слово.
Ахъ, что съ тобой? Два крючка тебя въ двѣ стороны тянутъ.
За однимъ ли пойдешь иль другимъ? Придется колеблясь
Часомъ служить господамъ и часомъ опять обѣгать ихъ.
Также коль разъ устоялъ, отказавшись настойчивой власти
Слушаться, не говори: уже я расторгнулъ оковы;
Ибо съ усиліемъ рветъ и собака привязь; однако
Какъ побѣжитъ, волочитъ часть длинную цѣпи на шеѣ.
Давъ, я сейчасъ, ты повѣрь, покончить муки былыя
Думаю,—такъ говоритъ Херестратъ, огрызая свой грубый
Ноготь,—ужель предъ сухой роденькою такъ неприглядно
Все мнѣ стоять? Достоянье отцовъ при говорѣ мрачномъ
Стану ль на грѣшномъ губить порогѣ, покуда у мокрой

---

147. *Красненькимъ Вейенскимъ*. Въ области древняго этрусскаго города *Вей* выдѣлывалось красноватое и весьма плохое вино, которое пили матросы и, по свидѣтельству Горація (Сат., II, 3, 143) и Марціала (I, 104. 9), — пирующіе скупцы.

151. *Генія ты ублажи;*—собственнаго, то-есть, доставь самому себѣ отраду, см. выше, прим. II, 3. Сличи Горація (Сат., II, 6, 96):

Коли пришлося, живи въ пріятныхъ условіяхъ, живи ты
Не забывая, что кратокъ твой вѣкъ....

161. Здѣсь Персій воспроизводитъ сцену изъ Евнуха, комедіи Менандра.

163. Влюбленный Херестратъ обзываетъ укоризненно на него взирающую родню *сухою*, то-есть, не влюбленною.

165. *На грѣшномъ порогѣ*. Ночное ожиданіе передъ дверью возлюбленной, не взирая на вѣтеръ и непогоду, представляетъ вѣчное содержаніе древнихъ лириковъ и элегиковъ. Помимо многихъ соотвѣтственныхъ мѣстъ у Ѳеокрита, Тибулла, Овидія и другихъ, приведемъ Горація (Оды, III, 10, 1—4):

Хотя бы, Лика . . . .
Ты пожалѣла бы, что легъ я за порогомъ,
Гдѣ свищетъ Аквилонъ.

Двери Хризиды пою съ потухшимъ я факеломъ пьяный?
Славно, дружекъ, будь уменъ, богамъ спасительнымъ агнца
Ты заколи.—Чай, она станетъ, Давъ, бывъ покинута, плакать?
Шутишь; она башмакомъ тебя, милый, отшлепаетъ краснымъ.
Только не думай дрожать, прогрызи ты тѣсныя сѣти!
Вотъ ты сердитъ и свирѣпъ; но кликнетъ — „сейчасъ!" — ты отвѣтишь.
„Что же мнѣ дѣлать? Ужель и теперь, когда зазываетъ
И умоляетъ, — нейдти? — Коль цѣлъ и свободенъ оттуда
Вышелъ, то не ходи. — Вотъ, вотъ что мы ищемъ, тутъ скрыто,
А не въ этой лозѣ, что̀ подъемлетъ ликторъ нелѣпый.
Властенъ ли самъ надъ собой искатель, котораго въ бѣломъ
Честолюбіе мчитъ? Не спи и побольше гороху
Черни драчливой давай, чтобъ наши Флораліи помнить,
Грѣясь, могли старики; чего жь красивѣй? Но только

и Оды, I, 25, 7—8:

Лидія, спишь ли, какъ ночь всю я мукою
Страсти объятъ.

Проперцій I, XVI, 17—22:

Дверь, знать больше самой госпожи, что внутри, ты жестока.
Что жь предо мной заперта ты въ половинкахъ молчишь?
Отчего никогда ты любви моей вскрывшись не впустишь?
И не умѣешь моей скрытной мольбы передать?
Иль не дано мнѣ конца своей дождаться печали
И, согрѣвая порогъ грустью, придется мнѣ спать?

167. *Славно дружекъ*, говоритъ наставникъ, поощряя доброе намѣреніе желающаго окончательно исправиться. Но въ ту же минуту паціентъ доказываетъ замѣчаніемъ свое участіе къ предмету обожанія. На это наставникъ возражаетъ, что влюбленный будетъ не оплаканъ, а отшлепанъ башмакомъ, почему и совѣтуетъ окончательно вырваться изъ сѣтей. Въ оправданіе свое влюбленный спрашиваетъ: неужели не идти ему даже на зовъ? Отвѣтъ: „если ты ушелъ отъ нея, овладѣвъ собою вполнѣ, то не ходи". Затѣмъ рисуются другія властительныя страсти: предразсудки и честолюбіе.

176. До крайности смѣлое выраженіе: Cretata ambitio — намѣленное честолюбіе въ смыслѣ появленія искателей передъ знатными покровителями въ блестящей бѣлой тогѣ, откуда и самое названіе кандидата мы рѣшились перевести ближе къ дѣйствительному смыслу.

178. Честолюбецъ въ весенній праздникъ Флоралій нарочно угощаетъ чернь дешевымъ лакомствомъ: горохомъ, о каковомъ угощеніи со временемъ будутъ даже вспоминать на солнцѣ грѣющіеся старики (говорится иронически).

Ирода дни подойдутъ и на окошкѣ прилитомъ
Жирный дымъ испускать начнутъ размѣщенныя лампы
Подъ фіалками всѣ и, на блюдѣ раскинувшись красномъ,
Хвостъ тунца поплыветъ и виномъ запѣнится чаша,
Губы молчкомъ шевелишь предъ субботой обрѣзанныхъ блѣдный.
Тутъ-то лемуры въ ночи и съ яйцомъ, что треснуло, бѣды,
Галлы огромные тутъ и съ систромъ раскосая жрица
Пучащихъ тѣло боговъ въ тебя посылаютъ, коль только
Ты по закону съ утра не сжуешь чесноку трехъ головокъ.
Это скажи посреди неуклюжихъ ты центуріоновъ,
Расхохочется вдоволь надолго Вульфенній огромный,
И сто грековъ продастъ за сотню мельчайшей монеты.

---

180. По мѣрѣ охлажденія къ національному культу, римляне все болѣе увлекались чужеземными, а именно іудействомъ и поклоненіемъ Изидѣ и Кибелѣ. Іудейскія празднества обозначены *днями Ирода*.

182. *На блюдѣ красномъ*, какъ вообще вся посуда, приготовлявшаяся въ Areціумѣ въ Этруріи. Вся обстановка религіознаго шабаша внушаетъ малодушному суевѣрный страхъ.

185. *Лемуры*, у римлянъ то же, что наши привидѣнія. Въ числѣ гаданій было такое: за положеннымъ въ жаръ яйцомъ наблюдали, начнетъ ли оно выкипать сверху или снизу, но совершенный его разрывъ предвѣщалъ бѣду.

186. *Галлами* назывались искалѣченные жрецы Кибелы. Во Фригіи на горѣ Идѣ почитали Кибелу подъ именемъ *великой матери* или *матери боговъ*. Въ Римѣ—съ 204 года до Р. Х. ей посвященъ былъ храмъ на Палатинскомъ холмѣ. *Раскосая жрица*—египетской богини Изиды. *Систръ*—мѣдная трещетка культа Изиды. *Раскосая*—постоянный эпитетъ жрицы Изиды, такъ какъ, по видимому, въ эту должность избирались старыя и безобразныя женщины.

188. Жевать чеснокъ, служившій вмѣстѣ съ лукомъ обычною пищею египтянъ, заставляетъ суевѣрныхъ жрица Изиды въ искупленіе какого-либо религіознаго проступка.

188. *Это скажи*, то-есть, коснись болѣе тонкаго обсужденія свободы человѣка. *Неуклюжихъ центуріоновъ*, см. выше прим. III, 77, гдѣ проводится та же мысль.

190. Гейнрихъ предполагаетъ, что *Вульфенній* есть латинизированное нѣмецкое имя *Вульфъ*, какого-нибудь здоровеннаго парня изъ германской гвардіи, каковая при Римскихъ императорахъ состояла со времени Тиверія и передана здѣсь центуріонамъ какъ представителямъ разряда людей, презирающихъ все высшее и благородное.

191. Ювеналъ жалуется на всякаго рода греческихъ проходимцевъ, которыхъ народъ вообще обзывалъ гречатами (graecula). Подъ это же презрительное имя попадали въ устахъ какого-нибудь Вульфеннія и греческіе философы стоики, за которыхъ онъ не дастъ ни копѣйки.

Сатира шестая.

Ужъ привлекла ль тебя, Бассъ, къ очагу сабинскому стужа?
Важный плектръ ужъ тебѣ оживляетъ ли лиру и струны?
Дивный искусникъ въ стихахъ основы старинныхъ реченій
Съ мужественнымъ возвѣщать бряцаньемъ струною латинской,

Содержаніе: Съ наступленіемъ суроваго времени года, когда зажиточные римляне отправлялись къ морскимъ берегамъ чтобы провести зиму въ болѣе мягкомъ климатѣ, и болѣзненный Персій перебрался въ свое отцовское имѣніе близъ Луны и обратился съ настоящею сатирою отсюда къ другу своему Цезію Бассу, равнымъ образомъ избравшему для зимняго пробыванія деревню въ Сабинской области, столь прославленной Гораціемъ. Деревенская тишина вдали отъ свѣтскаго шума, вѣроятно, невольно навела нашего стоика на размышленія о надлежащемъ отношеніи къ жизненнымъ благамъ. Таковое, по мнѣнію его, состоитъ въ благородномъ общительномъ пользованіи безъ излишнихъ мукъ и заботъ о будущемъ, при чемъ онъ весьма кротко осуждаетъ отступающихъ отъ его принциповъ. Высказанное въ ст. 18—22 мнѣніе важно для насъ еще и потому, что представляетъ доказательство неоконченности сатиры, такъ какъ только часть ея, именно скупецъ выведенъ сполна, о расточителѣ же далѣе ничего не говорится.

1. *Ужъ привлекла ль тебя, Бассъ*. Вступленіе въ эту сатиру весьма живо напоминаетъ два мѣста у Горація: именно Посланія, 4, 1—5:

Альбій, нашихъ ты сатиръ судія безпристрастный,
Чѣмъ, скажу я, ты занятъ теперь въ окрестности Педа?
Пишешь ли, Кассія Пармскаго ты стишки затмѣвая,
Иль въ освѣжительныхъ рощахъ ты молчаливо гуляешь,
5. Размышляя о томъ, что мудрыхъ и добрыхъ достойно.

и I, 7, 10—12:

А какъ снѣгомъ зима албанскія нивы покроетъ,
Твой поэтъ отправится къ морю, займется собою
И поджавшись станетъ читать....

Цезій Бассъ сердечный другъ Персія и вмѣстѣ съ Корнутомъ издатель его сатиръ былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ лирическихъ поэтовъ при Августѣ о которомъ Квинтиліанъ (X, 1, 96) говоритъ какъ о единственномъ послѣ Горація поэтѣ замѣчательномъ въ этомъ родѣ. Но изъ его стихотвореній до насъ ничего не дошло. По свидѣтельству схоліаста, онъ, подобно Плинію, погибъ въ 79 г. по Р. Х. при изверженіи Везувія. По примѣру другихъ и Бассъ на зиму удалился въ свое Сабинское имѣніе.

3. Мы придерживаемся редакціи Германна veterum primordia *vocum*, а н *rerum*, и переводимъ древнихъ реченій *основы* въ смыслѣ этимологическихъ изысканій происхожденія старинныхъ римскихъ словъ. Но если придержаться чтенія *rerum* въ смыслѣ Лукреціева *de rerum natura*, то слѣдуетъ перевести „*древнѣйшихъ вещей проявленя*“.

Слѣдомъ и смѣхъ молодой возбуждать и вышучивать старцевъ
Знатныхъ почтеннымъ перстомъ. Меня же Лигуріи берегъ
Грѣетъ теперь, и мое зимуетъ море, гдѣ грозно
Высятся скалы, и въ даль глубоко уходитъ прибрежье.
Граждане, съ пристанью вы Луны познакомьтеся, стоитъ!
Это Энній велитъ сердечный, какъ выспалъ, что Квинтомъ
Меонидомъ онъ изъ Пиѳагорова вышелъ павлина.
Здѣсь забываю я чернь и то, что Австеръ готовитъ
Вредъ приносящій скоту, забываю, зачѣмъ у сосѣда
Тотъ уголокъ тучнѣй моего, да хотя бы и всѣ-то
Разбогатѣли изъ черни исшедшіе, все жь не согласенъ,
Сгорбившись ради того отъ старости, ѣсть не помасливъ,

---

6. Предыдущій эпитетъ *pollice honesto*—„*почтеннымъ перстомъ*" даетъ намъ поводъ съ признательностью принять объясненіе Н. М. Благовѣщенскаго: „Egregios lusisse senes" въ смыслѣ „*вышучивать* стариковъ". Но принявъ чтеніе „Egregius lusisse senex", слѣдуетъ перевести: „Дивно, о старецъ, играть".—*Лигуріи берегъ* — глубоко вогнутой нынѣшней Генуи. Кромѣ заботы о здоровьи, Персій, быть можетъ, избралъ тамъ мѣстопребываніе, чтобы быть по близости къ своей матери, которая, какъ говоритъ схоліастъ, во время своего замужества за вторымъ супругомъ, римскимъ всадникомъ Фусціемъ, проживала въ этой мѣстности въ своей деревнѣ, гдѣ оставалась и по смерти мужа.

9. *Граждане, съ пристанью вы Луны*... Этимъ стихомъ, заимствованнымъ изъ Анналъ *Эннія*, Персій ближе обозначаетъ имѣніе, въ которомъ онъ проживалъ,—близъ обширной и просторной пристани Луны, получившей свое названіе отъ своего луновиднаго изгиба (нынѣ заливъ Специи).

10. Слѣдовало бы перевести *Cor iubet* перевести: „*Сердце то Энній велитъ*", но такъ какъ въ словѣ *cor* заключается намекъ на часто употребляемое самимъ Энніемъ слово *cordatus—сердечный*, то мы и воспользовались имъ для большей ясности.—Квинтъ Энній—поэтъ, извѣстный намъ лишь по отрывкамъ, современникъ Сципіоновъ, разказываетъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, что ему приснилось, какъ духъ Гомера, выйдя съ того свѣта, явился ему и открылъ, что его, Гомера, душа, послѣ многихъ странствій, вселилась въ павлина, а изъ него въ тѣло Эннія. Поэтому Персій въ шутку называетъ Эннія Квинтомъ Гомеромъ. Такое вѣрованіе основывалось на ученіи знаменитаго греческаго мудреца Пиѳагора Самосскаго (586–500 гг. до Р. Х.), основателя пиѳагорейской школы съ ученіемъ о переселеніи душъ (метемпсихозы), почему послѣдоваталямъ воспрещалось убійство животныхъ и питаніе мясомъ.

12. *Здѣсь*—въ деревнѣ забываю я про всѣ жизненныя невзгоды и не согласенъ, стараясь разбогатѣть, подобно другимъ, скупиться до крайности.

Да утыкать свой носъ въ печать прокислой бутылки.
Думай иначе другой: близнецовъ ты, родное созвѣздье,
Съ разнымъ стремленьемъ родишь. Иной въ день только рожденья
Льетъ къ капустѣ сухой разсолъ изъ купленной банки,
Перцемъ священнымъ онъ самъ посыпаетъ блюдо; тотъ малый
Великодушный, большой достатокъ проводитъ лишь на зубъ.
Жизнь я намѣренъ вкушать; но ужь камбалы я отпущенцамъ
Пышно не предложу и въ дроздахъ не развѣдаю вкуса.
Собственной жатвой живи и изъ закрома, такъ подобаетъ,
Черпай; въ чемъ страхъ твой? Паши, и хлѣбъ уже въ зелени новой.
Долгъ призываетъ межъ тѣмъ: въ крушеньи бруттійскія скалы

---

17. *Утыкать свой носъ въ печать.* Дѣло въ томъ, что у скупца въ бутылкѣ дрянное прокислое вино, котораго никто не станетъ запечатывать; а онъ еще разсматриваетъ, цѣла ли печать.

18. Даже близнецы родятся съ противоположными стремленіями.

19. *Иной*—скупой и въ день своего рожденія.

20. *Разсолъ изъ купленной банки.* Римляне приготовляли отваръ изъ воды съ медомъ и солью и наливали его на морскую рыбу, вслѣдствіе чего, получивши острый вкусъ, онъ сливался въ видѣ приправы къ разнымъ кушаньямъ. Въ то время какъ въ каждомъ порядочномъ хозяйствѣ такой отваръ приготовлялся дома, скупецъ, употребляющій его въ рѣдкихъ случаяхъ, посылаетъ за нимъ въ лавочку.

21. На перецъ смотритъ онъ какъ на святыню.

23. Я буду пользоваться жизнью, на камбалы (rhombus) своимъ вольноотпущенникамъ не предложу. *Камбала*, см. Ювенала Сат., I, 4, 39 и Горація Сат., II, 2, 95:

Въ Адріатикѣ камбала дивная ростомъ попалась.

и себѣ не дозволю узнать вкуса въ дроздахъ. Дрозды считались тоже у римлянъ лакомствомъ (см. Горація Сат., I, 5, 72; II, 5,10; Посл., I, 15, 41) и откармливались въ клѣткахъ. Опытные лакомки даже отличали самокъ, считавшихся болѣе нѣжными. Поэтому, быть можетъ, въ оригиналѣ сказано: turdarum—въ дроздихахъ.

25. Мудрое наставленіе проживать проценты, а не капиталъ здѣсь прилагается спеціально къ землевладѣльцу.

26. При этомъ разсуждающій наивно спрашиваетъ: „*въ чемъ страхъ твой?*—такъ какъ пока ты расходуешь изъ закрома, новый хлѣбъ уже зеленѣетъ въ полѣ. Будто это то же, какъ еслибъ онъ уже находился въ закромѣ.

27. Но могутъ быть случаи, когда долгъ велитъ и „отъ свѣжаго дерна часть отхватить", то-есть, продать часть земли, какъ напримѣръ, для матеріальной помощи другу, потерпѣвшему въ Іонійскомъ морѣ кораблекрушеніе.

Другъ беззащитный обнялъ; волнамъ іонійскимъ онъ предалъ,
Тщетно молясь, все добро; лежитъ онъ самъ на прибрежьи
Средь огромныхъ боговъ съ кормы, ужь разбитыя ребра
Судна встрѣчаютъ гагаръ: тутъ даже отъ свѣжаго дерна
Часть отхвати, бѣдняку помочь, чтобы онъ не скитался,
Списанъ на синей доскѣ.—Но пиромъ надгробнымъ наслѣдникъ
Пренебрежетъ, раздраженъ, что добро уменьшишь, сложитъ кости
Въ урну онъ безъ духовъ, не слабо ли пахнетъ корица,
Казія замѣнена ль вишнякомъ, готовъ не дознаться.—
Ты ли добро уменьшить безнаказанно можешь?—И Бестій
Грековъ ученыхъ тѣснитъ: „Вѣдь вотъ же какъ наша наука
Съ перцемъ да съ финиками въ столицу зашла через море.
Жирно намасливъ, косцы свою испортили кашу".
Этимъ ли ты устрашенъ за гробомъ? А ты, мой наслѣдникъ,
Кто бы ты ни былъ, внемли, отъ толпы немного отшедши:
Развѣ не знаешь, дружекъ? Былъ лавръ отъ Цезаря посланъ

---

30. Онъ самъ лежитъ *средь огромныхъ боговъ съ кормы*. На корабельныхъ кормахъ ставились огромныя изваянія боговъ покровителей. Такъ у Горація (Оды, I, 3, 1). покровительницей корабля является Венера, а у того же Горація (Оды, III, 29, 64) и у Проперція (I, XVII, 18)—Діоскуры (Касторъ и Поллукъ).

33. *Списанъ на синей доскѣ*, см. I, 89—90.

36. *Казія*. Благовонная казія вѣроятно та же корица, въ которую продавцы изъ за корысти примѣшивали вишневой коры, почему она становилась дешевле и хуже; на что озлобленный наслѣдникъ готовъ не обратить вниманіе.

37. Упоминаемый здѣсь Бестій появляется и у Горація (Посл. I, 15, 37) въ качествѣ напыщеннаго резонера. Здѣсь онъ выставленъ представителемъ крайне суроваго древне-римскаго образа мыслей. Онъ быть можетъ не безъ основанія взваливаетъ распространеніе разслабляющей роскоши на ученыхъ грековъ, прибывшихъ въ Римъ вмѣстѣ съ пряностями. Дѣло дошло до того, что косцы, по мнѣнію Бестія, испортили свою кашу масломъ, вопреки русской пословицѣ: „кашу масломъ не испортишь".

43. Смыслъ: на вопросъ наслѣдника, имѣетъ ли право владѣлецъ безнаказанно уменьшать оставляемое имъ наслѣдство, владѣлецъ, отводя въ сторону наслѣдника, приводитъ ему съ глазу на глазъ примѣръ, при которомъ непомѣрный расходъ становится обязательнымъ даже для частнаго лица. При этомъ онъ упоминаетъ приводимое Тацитомъ (Герм., 37), и Светоніемъ (Калиг., 47), извѣстное дурацкое зрѣлище, коимъ въ 40 г. по Р. Х. Калигула угощалъ Римъ подъ видомъ тріумфа. Дѣло въ томъ, что Калигула, приказалъ собственнымъ германцамъ произвести маневръ нападенія. Отбивши оное, послалъ къ супругѣ

Ради побѣды большой надъ германской юностью, пепелъ
Хладный смели съ алтарей, уже по столбамъ и оружье,
Уже и царскихъ хламидъ, ужь плѣннымъ волосъ красноватыхъ
И колесницъ, и громадныхъ Цезонія Рейновъ готовитъ.
Такъ богамъ и вождя я генію ради высокихъ
Дѣлъ совершенныхъ сто паръ подведу; кто мѣшаетъ? осмѣлься!
Горе, коль глазъ не смежишь! пирогами и масломъ народецъ
Я угощу; или ты воспретишь? Такъ скажи! Нѣтъ не смѣю,
Молвишь ты. Поле вотъ тутъ расчищено подлѣ. А если
Тетки моей ни одной не осталось, двоюроднымъ также,
Дядиныхъ правнучекъ нѣтъ, безплодной скончалася тетка,
И никого уже нѣтъ отъ бабки, отправлюсь въ Бовиллы
Къ Вирбію прямо на холмъ, и Маній сейчасъ мой наслѣдникъ.—
Этотъ-то истый мужикъ?—Спроси у меня, кто четвертымъ

своей Цезоніи вѣсть о предстоящемъ тріумфѣ, и она (ст. 45), сметя хладный за давностью приношеній пепелъ съ жертвенниковъ, приготовила, за отсутствіемъ дѣйствительныхъ трофеевъ, всѣ принадлежности тріумфа дома: царскихъ одеждъ, фальшивыхъ красныхъ волосъ—людямъ, наряженнымъ плѣнными германцами, и громадныхъ статуй Рейна, который тоже какъ покоренное божество, долженъ былъ украшать тріумфъ.

48. По этому случаю и говорящему приходится съ своей стороны вывести сто паръ гладіаторовъ для торжественныхъ игръ. И на такую расточительность наслѣднику придется закрыть глаза, если онъ не хочетъ попасть въ бѣду.

50. *Пирогами.* Дальнѣйшій ходъ мыслей мы понимаемъ въ слѣдующей связи: собственникъ, говоря о дальнѣйшей своей щедрости, спрашиваетъ, запрещаетъ ли ему это наслѣдникъ. А тотъ говоря: „*нѣтъ*“ — объясняетъ такой отвѣтъ тѣмъ, что у него у самаго хорошо расчищено отъ камней и приготовлено къ посѣвамъ поле, и ему слѣдовательно нечего зариться на наслѣдство. На это собственникъ (ст. 53) говоритъ, что была бы охота, такъ у него любой мужикъ Маній изъ Бовиллы явится наслѣдникомъ.

55. Между нищенскимъ городишкой Бовиллой, лежащимъ на одинадцатой милѣ отъ Рима по Аппіевой дорогѣ, и *Ариціей* въ рощѣ Діаны находился холмъ Вирбія, получившій это названіе въ память миѳическаго героя этого имени, смѣшиваемаго позднѣе съ Ипполитомъ, сыномъ Тезея.—Имя *Маній* было весьма употребительно въ Бовиллахъ. Поэтому даже существовала латинская пословица: Multii Manii Aricіae.

57. На изумленіе дѣйствительнаго наслѣдника передъ такимъ мужицкимъ наслѣдникомъ, собственникъ признается, что онъ съ полною ясностью можетъ говорить только о своемъ прадѣдѣ, а затѣмъ, отодвинувшись еще назадъ на два поколѣнія, онъ натыкается на мужиковъ, между которыми найдутся и родственники Манія.

Мнѣ по отцу: хоть не вдругъ, а скажу; прибавь одного ты,
Да еще одного: землепашецъ ужь онъ, а по праву
Маній въ породѣ такой по дядѣ мнѣ явится дѣдомъ.
Ближній ко мнѣ на бѣгу у меня что ты факела просишь?
Я Меркурій тебѣ; прихожу я богомъ, какимъ онъ
Пишется; или ты прочь? Иль радъ ты тому, что осталось?
„Въ общемъ есть недочетъ“: я свое уменьшилъ, для тебя же
Цѣлое, что тамъ ни будь. Не спрашивай, гдѣ то, что̀ Тадій
Нѣкогда мнѣ завѣщалъ, и оставь отцовскія рѣчи:
Прибылью множь ты доходъ; оттуда и черпай расходы!—
Что же осталось затѣмъ?—Осталось? Эй, живо, щедрѣе
Масла въ капусту, слуга! иль въ праздничный день мнѣ крапиву
Станутъ варить съ головой копченой, висящей за ухо,
Чтобъ этотъ внукъ твой потомъ, потрохами гусиными сытый,
Какъ заклокочетъ ужь въ немъ жестоко бродячая похоть,
Къ патриціанкѣ пошелъ? чтобъ я остовомъ лишь остался,
А у того бы тряслось поповское брюхо отъ жиру?
Душу наживѣ продай, торгуй и хитро обыщи ты

---

61. *Ближній ко мнѣ на бѣгу*. Картина заимствована отъ обычая при Панаѳинеяхъ и другихъ бѣгахъ съ факелами, во время которыхъ прибывшій съ конечной точки ристалища передній передавалъ свой пылающій факелъ за нимъ слѣдующему. Въ этомъ смыслѣ говорящій спрашиваетъ: какъ же ты, будучи передовымъ, противу всякаго порядка, требуешь отъ меня, за тобою слѣдующаго, факела и къ тому же до прибытія къ цѣли, то-есть, разоблачая смыслъ метафоры,—„какъ же ты не дождавшись моей смерти спрашиваешь у меня при жизни моей отчета въ твоемъ наслѣдствѣ?“

62. *Я Меркурій*, см. прим. II, 11.

65. Тадій—произвольное имя для давнишняго предка нынѣшняго владѣльца.

66. *Отцовскія*, то-есть, наставительныя рѣчи.

68. *Что же осталось затѣмъ?* спрашиваетъ наслѣдникъ, и этимъ наглымъ вопросомъ выводитъ собственника изъ терпѣнія.

70. *Съ головой копченой, висящей за ухо*—съ копченою свиною головою, надъ которою въ этомъ видѣ мало поживы.

71. *Потрохами гусиными сытый*, лакомствомъ, о коемъ Горацій (Сат., II, 8, 88) говоритъ:

Печень бѣлаго гуся, который на фигахъ откормленъ.

73. *Къ патриціанкѣ*—что требовало огромныхъ расходовъ.

75. Въ противоположность благоразумному воззрѣнію на жизнь поэтъ иронически предлагаетъ послѣдовать образу дѣйствій ненасытнаго корыстолюбца.

Всѣ предѣлы земли, чтобъ не былъ другой кто искуснѣй
Каппадокійцевъ дебелыхъ на твердыхъ шлепать подметкахъ;
Ты достоянье удвой.—Это сдѣлалъ я; въ три, ужь въ четыре,
Въ десять ужь разъ возвратилось въ кису: отмѣть, гдѣ мнѣ кончить.
Разыскался, Хризиппъ, твоей и кучи разгадчикъ.

---

77. *Каппадокійцевъ дебелыхъ шлепать.* Рабы, предлагавшіеся къ продажѣ, выставлялись на деревянныхъ подмосткахъ съ голыми ногами, которыя у нихъ для обозначенія продажности бѣлились мѣломъ. При этомъ покупатели щупали у нихъ мускулы. *Доннеръ* полагаетъ, что шлепали ихъ сами продавцы, чтобы обратить вниманіе на дебелость товара. *Каппадокійскіе* рабы считались самыми дебелыми и выносливыми.

79. *Отмѣтить, гдѣ мнѣ кончить.* Выраженіе, заимствованное у цирка, гдѣ ставилась мета.

80. *Разыскался, Хризиппъ...* Одинаково не возможно поставить предѣлъ алчности, какъ и выдти изъ извѣстнаго круга умозаключеній (sorites) Хризиппа. Выставивши вопросъ, много ли зеренъ счетомъ составляютъ кучу, этотъ знаменитый стоическій философъ написалъ четыре книги, но тѣмъ не менѣе разрѣшеніемъ задачи остался въ долгу и понынѣ. Ловкимъ оборотомъ поэтъ представляетъ не исполнимое какъ бы исполненнымъ. Я, говоритъ онъ, тотъ человѣкъ, который способенъ алчности крикнуть: „досюда и не далѣе". Равнымъ образомъ я въ состояніи поставить предѣлъ безконечному сориту Хризиппа.

О томъ, что эта сатира не доведена до конца, смотри содержаніе ея по поводу 18-го стиха.

[illegible]

Привыкъ можешь ты [illegible]

Что же осталось [illegible] — Останется? [illegible]

Масла на капусту, слуга! [illegible]

Стянуть вервь съ толстой [illegible], висящей за [illegible]

[illegible]

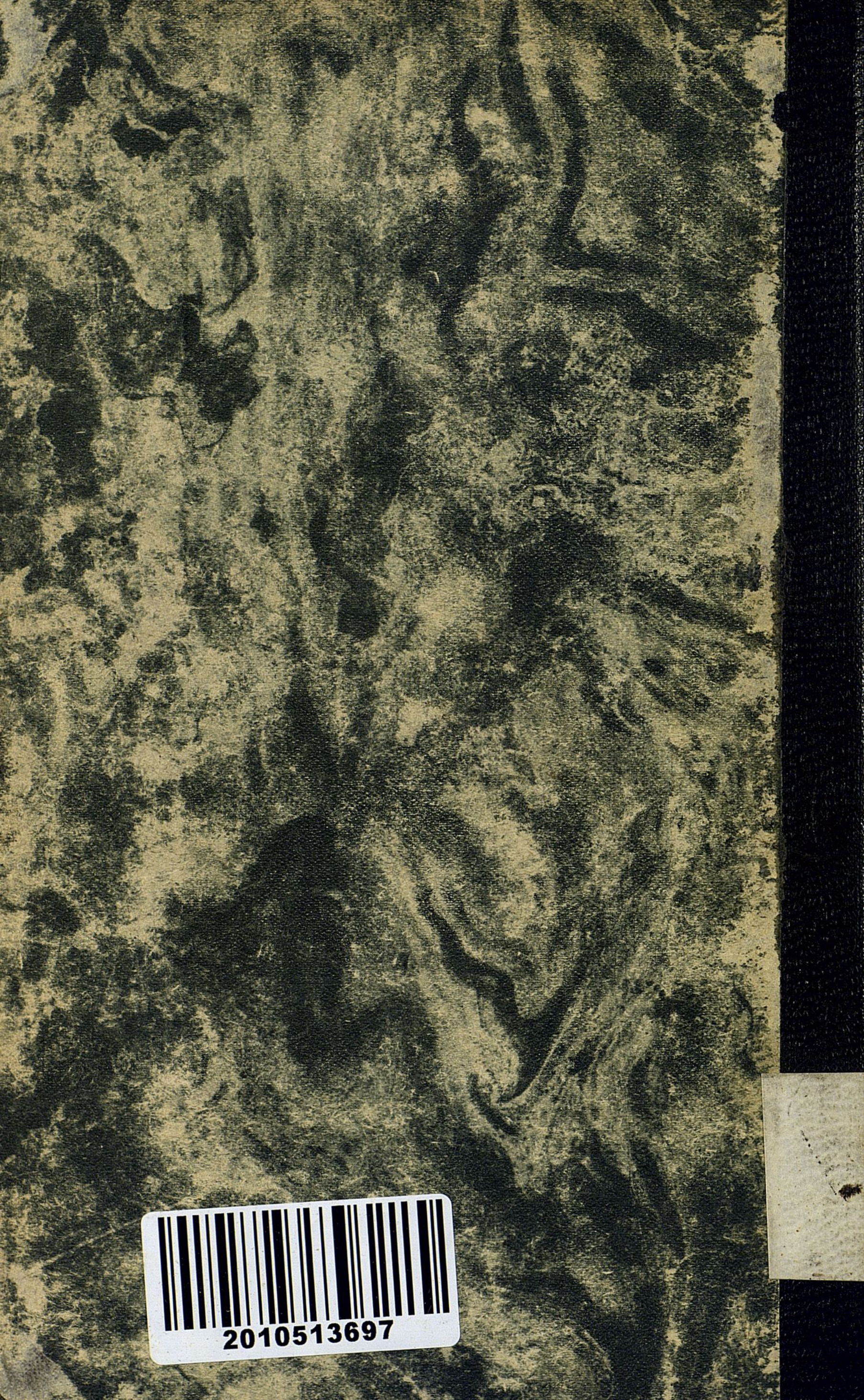
[illegible]

[illegible]

А у того бы [illegible]

[illegible]

2010513697